

Ялтинско-Потсдамский международный порядок и судьбы послевоенного мира

М. А. Мунтян*

На конференциях лидеров «большой тройки» в Ялте (4–11 февраля 1945 г.) и Потсдаме (17 июля — 2 августа 1945 г.) были согласованы базовые подходы союзников по Антигитлеровской коалиции к послевоенному мироустройству. Их видение путей достижения устойчивого мира, международной безопасности и обеспечения необходимого для этого сотрудничества в той их части, которая не встречала категорического отрицания партнеров по коалиции, вылилось в основополагающие решения, определявшие параметры переустройства всего мира и принципы послевоенной системы международных отношений. С этой точки зрения документы, принятые в Ялте и Потсдаме, представляли собой не просто диктат победителей, но и их попытку учесть причины, вызвавшие Вторую мировую войну, а также то новое соотношение сил, которое несла с собой Великая Победа¹.

Среди факторов, которые определяли характер и содержание послевоенной системы мироустройства, наиболее существенными были:

- выход социализма за пределы одной страны и его превращение в мировую систему;
- начавшийся распад мировой колониальной системы;
- поражение в войне вывело из числа великих держав Германию и Японию, в ходе войны существенно ослабленными оказались Великобритания и Франция, что серьезно изменило расклад сил в послевоенном мире;
- основными игроками на международной арене стали превратившиеся в сверхдержавы США и СССР, что предопределило биполярную конфигурацию сложившейся после войны системы международных отношений;
- создание Организации Объединенных Наций (ООН) — межгосударственной организации, которая должна была обеспечивать коллективную безопасность в мире. ООН должна была стать главным инструментом мирового политического регулирования, но на самом деле главной функцией организации, с которой она успешно справилась, являлось предупреждение вооруженного столкновения между СССР и США, двумя сверхдержавами, от устойчивости отношений между которыми зависел международный мир;
- активное включение в мировую политику общественных сил, выступавших за социальный прогресс, демократию и мир — коммунистических, социал-демократических и рабочих партий, движений сторонников мира и других антивоенных и пацифистских организаций;
- начавшаяся научно-техническая революция в военной сфере открыла в мире эру ядерного оружия, примененного США в войне против Японии на завершающем этапе Второй мировой войны, что по-новому ставило проблемы предотвращения войн, обеспечения безопасности и защиты мира.

Советское руководство в вопросах, касавшихся послевоенного мироустройства, исходило из нескольких соображений:

- во-первых, в международных делах оно использовало возросший международный авторитет Советского Союза и признание его армии самой мощной в мире. Но вместе с тем оно понимало, что без должного экономического потенциала не сможет обеспечить для себя долговременные и решающие роли в мировой политике. Поэтому свои интересы в отношениях с союзниками представители СССР концентрировали в сфере военно-политических решений, но имея в виду и нужды восстановления народного хозяйства своей страны;

* **Михаил Алексеевич Мунтян** — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО — Университета».

- во-вторых, СССР стремился улучшить собственные геополитические позиции за счет Германии и превращения восточноевропейских стран в охранную зону безопасности СССР, то есть получить максимум из военно-политического сотрудничества со странами Запада в процессе выработки и заключения мирных договоров с бывшими государствами гитлеровской «оси»;
- в-третьих, Советский Союз нуждался в «мирной передышке», поэтому в первые послевоенные годы в ряде интервью Сталина и выступлениях советских представителей в ООН заявлялось о приверженности СССР принципам мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем, о желании Советской страны продолжить и в послевоенный период сотрудничество между государствами-победителями во Второй мировой войне, о необходимости периодических совещаний руководителей трех великих держав для обсуждения актуальных проблем мировой политики, об отказе от создания замкнутых военных группировок и т. д.

СССР в первые послевоенные годы настойчиво предлагал укрепить ООН, выступал против того, чтобы эта организация стала орудием для реализации политических целей какого-либо одной державы или группы государств. Советская делегация в ООН выступала за вывод иностранных войск с территории других государств, запрещение атомного оружия, сокращение обычных вооружений. И это были не только призывы. С 1945 г. Советский Союз провел демобилизацию своих вооруженных сил, сократив их к 1948 г. с 11 365 тысяч до 2874 тысяч человек². Советские войска были выведены из Югославии, Чехословакии, Норвегии, с островов Бернхольм (Дания), из Ирана. В апреле–мае 1948 г. советские войска покинули Китай. В конце 1948 г. СССР вывели свои войска из Северной Кореи.

На завершающем этапе Второй мировой войны и вплоть до середины 1947 года Советское правительство не ставило в качестве своей цели формирование в восточноевропейских странах однопартийных коммунистических режимов. В этот период, по мнению Москвы, главной задачей ее политики в Восточной Европе было создание на западной границе СССР пояса безопасности из дружественных государств. Их социально-политические системы формировались под советским контролем, благодаря которому левые партии и движения получали определенные преимущества, но принципы парламентаризма и многопартийности не отрицались, попытки форсирования процессов советизации, как правило, не поощрялись. И наоборот, приветствовалось объединение коммунистических партий с умеренными некоммунистическими организациями в народные, национальные, демократические, отечественные фронты, стоящие на демократиче-

ских позициях. Созданный в восточноевропейских странах без разрушения государственных институтов и при сохранении традиционной многопартийности общественно-политический строй получил название народно-демократического, а их политические режимы стали называться «народными демократиями».

Подход США к послевоенной ситуации в мире был иным. Участие во Второй мировой войне убедило американцев, что в ближайшие десятилетия решающую роль в военной сфере будут играть военно-воздушные силы, поэтому они были озабочены созданием широкой сети военных баз за пределами территории США, которые могли гарантировать им контроль над стратегическими линиями международных коммуникаций, а также обеспечением права пролета их военных самолетов в мирное время над территориями иностранных государств. При таком подходе сама проблема обеспечения национальной безопасности США стала распространяться на весь мир, а их внешняя политика обязана была становиться интервенционистской. В этой связи США уделяли большое внимание мирохозяйственным вопросам. И потому, что в первые послевоенные годы производили едва ли не половину мирового ВВП, и потому, что были убеждены: обе мировые войны были результатами торговых войн, эгоизма национальных элит, их нежелания и неумения договариваться между собой в интересах стабилизации и развития мировой экономики. Они были уверены, что устойчивое функционирование мирового хозяйства может быть достигнуто с помощью общемировых регулирующих механизмов.

«Хотя послевоенный миропорядок принято называть ялтинско-потсдамским, — по местам проведения двух важнейших международных конференций 1940-х годов, — фактически международное устройство мира складывалось не в два, а в четыре этапа и выработывалось на четырех основополагающих международных встречах:

- в Бреттон-Вудсе (США) в июле 1944 г., где были заложены основы международного сотрудничества в регулировании послевоенной мировой экономики;
- в Ялте (СССР) в феврале 1945 г., где согласовывались общие подходы СССР, США и Великобритании к будущим переговорам о политическом переустройстве в Европе;
- в Сан-Франциско (США) в апреле–июне 1945 г., когда был обсужден и принят Устав ООН как главного и универсального инструмента регулирования международных отношений;
- в Потсдаме (побежденная Германия) в июле 1945 г., когда три главные страны-участницы Антигитлеровской коалиции конкретизировали принципы проведения политики в отношении поверженного агрессора и наметили конкретные шаги по переустройству европейского порядка...

Ключевыми инструментами экономической стабилизации международной системы суждено было стать трем институтам — Международному валютному фонду (МВФ), Международному банку реконструкции и развития (МБРР), а также Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ).

При этом МВФ должен был сосредоточиться на:

- формировании кодекса поведения государств в валютной сфере;
- обеспечении стабильности международной валютной системы;
- оказании финансовой помощи в преодолении дефицитов платежных балансов стран-участницам.

Крупнейшим предприятием МВФ было восстановление золотодолларового стандарта, то есть регламентирование обмена золота на доллар по определенному курсу и финансирование твердых обменных паритетов основных мировых валют.

МБРР должен был стать инструментом содействия развитию отстающих стран посредством предоставления целевых кредитов. Он должен был поощрять инвестиции в эти страны, предоставляя гарантии инвесторам.

Предназначением ГАТТ было содействие либерализации международной торговли через поэтапное снижение таможенных тарифов и отмену торговых ограничений... ГАТТ вместе с МВФ и МБРР с 1940-х годов образовали комплекс регулирующих механизмов, которые принято называть Бреттон-Вудской системой³.

Ялтинско-Потсдамский порядок обладал рядом особенностей, которые были обобщены А. Д. Богатовым следующим образом:

- этот международный порядок не имел прочной договорно-правовой базы. Лежавшие в его основе договоренности были либо устными, официально не зафиксированными и долгое время остававшиеся секретными, либо закрепленными в декларативной форме. Это ставило действенность ялтинско-потсдамских основоположений в зависимость от способности заинтересованных сторон фактическое исполнение этих договоренностей не правовыми, а методами и средствами политического, экономического и военно-политического давления. Этот порядок просуществовал (в отличие от Версальско-Вашингтонского, основанного на мощной договорно-правовой базе) более полувека и разрушился с распадом СССР;
- Ялтинско-Потсдамский порядок был биполярным в результате резкого отрыва СССР и США от всех остальных государств по совокупности своих военно-силовых, политико-экономических возможностей и потенциалу культурно-идеологического влияния;
- после Второй мировой войны международный порядок был конфронтационным, понимаемым

как отношения между странами, при которых действия одной стороны систематически противопоставляются действиям другой. Теоретически биполярная структура мира могла быть как конфронтационной, так и кооперационной, основанной не на противостоянии, а на сотрудничестве сверхдержав. Но Ялтинско-Потсдамская система международных отношений таковой так и не стала;

- послевоенная биполярность приобрела форму политико-идеологического противостояния между «свободным миром» во главе с США и «социалистическим лагерем», руководимым Советским Союзом. И хотя в основе международных противоречий чаще всего лежали геополитические интересы и устремления, внешне советско-американское соперничество выглядело как противостояние идеалов и моральных ценностей. При этом острая идеологическая полемика привносила в международные отношения дополнительную непримиримость. Сильнее всего идеологизация международных отношений проявлялась в 1940-е — 1950-е годы. Позднее идеология и политическая практика стали расходиться таким образом, что глобальные цели соперников по-прежнему интерпретировались как непримиримые, а на уровне дипломатического диалога стороны научились вести переговоры, используя, прежде всего, геополитические аргументы;
- Ялтинско-Потсдамский порядок складывался в эпоху ядерного оружия, которое во второй половине 1960-х годов обусловило появление модели «конфронтационной стабильности», ставшей механизмом предупреждения ядерной войны. США и СССР в этой связи начали избегать ситуаций, способных спровоцировать вооруженный конфликт между ними. Сложившаяся концепция взаимного ядерно-силового сдерживания базировалась на «равновесии страха»;
- порядок, инициированный в Ялте и Потсдаме, отличался высокой степенью управляемости международных процессов. Как порядок биполярный, он строился на согласовании мнений всего двух держав, что упрощало переговоры. США и СССР при этом действовали не только в качестве отдельных государств, но и в роли групповых лидеров — НАТО и Варшавского договора. Блоковая дисциплина позволяла сверхдержавам гарантировать исполнение принимаемых обязательств и соответствующим блоком⁴. Высокая конкурентность международных отношений, обусловленная особенностями Ялтинско-Потсдамского порядка, привели к тому, что эти отношения на долгие годы были отравлены подозрительностью, недоверием, манипуляциями силой, конфронтацией, всем тем, что вошло в историю под названием «холодная война». Сам этот термин появился в американском политическом лексиконе в ап-

реле 1947 г. с подачи предпринимателя и политика Бернарда Баруха, вскоре став популярным благодаря статьям публициста Уолтера Липпмана. Вместе с тем официальным актом объявления «холодной войны» и ее своеобразным политическим манифестом принято считать речь бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля в Фултоне (США) 5 марта 1946 года, которую он произнес в присутствии президента США Г. Трумэна.

В речи Черчилля утверждалось, что Западу угрожает опасность новой мировой войны и тирании, и что причиной этой угрозы является Советский Союз, который, по его мнению:

- осуществляет территориальную и идейно-политическую экспансию;
- представляет опасность для западной демократии и свободного общества;
- использует коммунистические партии в качестве «пятой колонны» для подрыва «христианской цивилизации»;
- нарушает договоренности, достигнутые союзниками в ходе Второй мировой войны о послевоенном устройстве мира;
- стремится утвердить свое господство в Восточной Европе и отделить ее «железным занавесом» от Запада.

Британский экс-премьер видел в Соединенных Штатах Америки единственную силу, способную противостоять опасной для «свободного мира» советской политике. Он призвал США к прямой конфронтации с СССР, к проведению жесткой силовой линии в отношении Советского Союза и стран народной демократии⁵. Сама фултонская речь Черчилля, и его антикоммунистические эскапады не были чем-то выдающимся в политическом дискурсе того времени. Но они получили международный резонанс во многом благодаря тому, что публичные призывы английского экс-преьера привлекли внимание И. В. Сталина. 14 марта 1946 г. он резко высказался по поводу речи Черчилля, расценив ее как призыв к войне между союзниками по Антигитлеровской коалиции. Зарубежная печать подхватила неосторожные высказывания советского лидера, и тема войны между СССР и Западом превратилась в лейтмотив газетных комментариев на долгие годы.

И все же, как свидетельствовали участники американо-российской конференции «Новые документальные свидетельства по истории „холодной войны“» (январь 1993 г.), фултонское выступление Черчилля могло служить только свидетельством того, что Запад готовился к разрыву союзнических отношений с Советским Союзом. С него началась эскалация противостояния СССР и его западных союзников. В мире речь отставного британского премьера была воспринята как манифест крестового похода Запада против коммунизма, решительного поворота западных стран в мировой политике. Стало ясно, что США уже тяготились теми уступками, которые при-

ходило делать Москве ради поддержания уровня сотрудничества, которое сложилось в ходе антигитлеровской войны и разгрома милитаристской Японии. Их не устраивал тот факт, что в середине 1940-х годов Советский Союз на Западе не воспринимался, как это было позднее, символом коммунистической угрозы и интервенции. Москва и советский солдат самым непосредственным образом связывались с победой над гитлеризмом и освобождением Европы от «коричневой чумы».

В исторической литературе и публицистике вплоть до конца 90-х годов XX века шла дискуссия о том, кто начал «холодную войну», кто является виновником всего того негативного, что она внесла в международные отношения. В советской историографии длительное время господствовала точка зрения, согласно которой вину за развязывание «холодной войны» несли империалистические круги США и их союзников, взявшие курс на завоевание мирового господства. Для этого им и понадобилась «холодная война» как политика социального реванша, попытка «переиграть» социально-экономические и международно-политические итоги Второй мировой войны.

Западные же историки, политики, политологи возлагали вину за возникновение «холодной войны» на Советский Союз и его политику, прежде всего на Сталина и его соратников, которые и после Второй мировой войны продолжали видеть мир в «черно-белом цвете», не оставляя надеж на осуществление «мессианской миссии» в победе коммунизма во всемирном масштабе. В качестве примера они приводили доклад В. М. Молотова, посвященный 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В нем в очередной раз заявлялось, что «мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму». Именно поэтому, как считали на правящие круги западных стран, они были вынуждены пойти на сдерживание мировой коммунистической экспансии.

Только в конце XX столетия, когда отношения между Востоком и Западом улучшились, а политические страсти вокруг проблемы развязывания «холодной войны» несколько улеглись, обе стороны признали, что они несут обоюдную ответственность за ее возникновение. В докладе на международной научной конференции в Москве (июнь 2000 года) академик РАН А. О. Чубарьян обосновал необходимость использования многофакторного подхода к истории «холодной войны», к анализу вызвавших ее политических, экономических, идеологических и геополитических причин. Его вывод заключался в том, что «холодная война» отражала состояние системы международных отношений конкретного периода, являлась результатом Второй мировой войны, свидетельством новой расстановки сил на международной арене, которая определила формирование противостоявших друг другу более четырех десятилетий двух военно-политических блоков.

В данном случае речь шла о широком взгляде историка на «холодную войну», имея в виду весь период международных отношений с окончания Второй мировой войны до распада СССР. В узком и точном геополитическом значении понятие «холодная война» подразумевает частный вид конфронтации, наиболее острую ее форму в виде противостояния на грани войны. Такая конфронтация была характерна для международных отношений в период с первого Берлинского кризиса 1948 года до Карибского кризиса 1962 года. Конфронтация малой интенсивности, получившая название разрядки, имела место в середине 1950-х годов, а затем в конце 1960-х и в начале 1970-х годов. По мнению специалистов, эти периоды должны исключаться из временного пространства «холодной войны». В узком понимании «холодная война» может быть определена как «состояние взаимодействия противостоящих держав — СССР и США, — при котором они систематически предпринимали шаги, враждебные друг другу, угрожали друг другу силой, но одновременно следили за тем, чтобы на самом деле не оказаться в состоянии реальной, „горячей“ войны»⁶.

«Холодная война» была не только мировой конфронтацией двух антагонистических социально-экономических систем и идеологий, но одновременно и столкновением двух сверхдержав, реализовывавших сверхдержавную политику, которая характеризовалась следующими чертами:

- ориентацией на сверхвооруженность, рождавшей процессы милитаризации международных отношений;
- преувеличением роли военного фактора и военного превосходства в решении всех международных проблем;
- стремлением обеспечить себе абсолютную безопасность, игнорируя при этом интересы других стран и их заботы;
- идеологическим мессианством, желанием повсеместно насаждать свое мировоззрение, свой «образ жизни»;
- гегемонистским подходом к международной жизни и проведением экспансионистской внешней политики;
- готовностью и даже склонностью прибегать к силе вместе с претензией на планетарный характер своих интересов и правом на военное вмешательство⁷.

Известный американский публицист У. Пфафф дал следующее определение сверхдержавы, имея в виду прежде всего США: «Что такое сверхдержава? Очевидно, страна, которая обладает превосходящими материальными, промышленными, военными ресурсами, как США. Страна, которая верит, что ее собственное общество является моделью для других. У американцев есть такая вера. Однако основной элемент, характерный для сверхдержавы — это желание и способность использовать мощь, чтобы

навязать определенный порядок на международной арене»⁸. И Москва, и Вашингтон не брезговали прибегать к военной силе, отстаивая свои интересы. Для СССР это были Венгрия, Чехословакия, Афганистан; для США — Вьетнам, Камбоджа, Ливан, Ливия, Куба, Гватемала, Панама, Гаити, Ирак, Афганистан.

Профессор Гарвардского и Стэнфордского университетов Н. Фергюсон следующим образом охарактеризовал приемы, которыми пользовались Соединенные Штаты Америки в послевоенные годы: «Американская внешняя политика в период „холодной войны“ представлялась в двух одеяниях: днем говоря языком свободы, демократии, священного города на холме; ночью — используя грязные фокусы, подрывая подозреваемых советских клиентов и поддерживая местных „сильных людей“ — вежливое название для диктаторов»⁹.

К. Н. Брутенц, один из тех авторов, который в свое время «был внутри процесса выработки советской внешней политики», также пишет о том, что: — и в Советском Союзе «меняли и ломали фундаментальные догмы, чтобы приспособить их к нуждам все той же практически державной политики»:

- «верховенство великодержавных интересов (в советской внешней политике. — М. М.) подтверждается и тем, что... ослабевали такие принципы, как солидарность с национальными движениями, с компартиями, с левыми движениями»;
- «сверхдержавные устремления в рамках геополитического соперничества с США, а не идеологический мессианизм вели, — или гнали, Советский Союз, истощая его силы, в арабский мир, на Ближний и Средний Восток, в Африку, в Центральную, Юго-Восточную и Южную Азию, даже за тридевять земель — в Карибский регион»¹⁰.

Многие исследователи «холодной войны» высказываются против преувеличения в ней идеологического фактора, полагая, что идеологическая составляющая политики, как правило, лишь обслуживала супердержавные цели США и СССР, была не сутью, а скорее камуфляжем военно-политического и иного противоборства двух сверхдержав. Газета «Нью-Йорк Таймс» назвала фальшивым «представление, будто США имели только один конфликт во время „холодной войны“ — идеологическую борьбу между демократией и коммунизмом. Но был и другой, менее очевидный конфликт — естественное соперничество между государствами»¹¹. Американский профессор М. Уокер в своей книге «The Cold War» (1994) пошел еще дальше, посчитав «холодную войну» всего лишь «послебританской имперской версией конфликта между Россией и Америкой».

Показательно в этой связи, что в книге «Американская стратегия в мировой политике», опубликованной в 1942 году, один из самых известных американских геополитиков Н. Спайкмен писал: «И в Великобритании, и в США идут разговоры

о новом мировом порядке, основанном на англо-американской гегемонии. Эта англо-американская гегемония сменит германо-японскую»¹². С точки зрения этого геополитика, реализация такой перспективы и была главной целью участия Соединенных Штатов во Второй мировой войне. Для американской геополитической литературы является общепризнанным утверждение, зафиксированное известным ученым из США Иммануилом Валлерстайном: «С 1917 года США неуклонно шли к мировой гегемонии. Борьба с Германией за политическую гегемонию продолжалась 30 лет и получила у геополитиков страны название 30-летней американской войны»¹³. Стоит ли удивляться тому, что другой американский геополитик, Г. Слоэн, утверждал: «Как это ни парадоксально, но многие послевоенные геополитические теории у нас выполняли те же функции, что и германская геополитика»¹⁴. Этот автор исходил из того, что в период президентства Г. Трумэна США проводили «глобальную интервенционистскую политику». Она опиралась, по мысли Слоэна, на превосходство в воздушных силах и на стратегию устрашения и фактически модифицировала германское понятие «жизненное пространство» в американский термин «жизненно важные интересы»¹⁵.

Если судить по послевоенной политике США, то создается впечатление, что американские государственные деятели очень хорошо усваивали и довольно точно следовали рецептам поведения в международных делах, разрабатывавшимся отечественными геополитиками. Э. А. Поздняков считает такой вывод не совсем точным. По его мнению, не политики США хорошо усваивали рекомендации своих ученых, а последние верно спрогнозировали интервенционистскую суть международной деятельности вышедших после Второй мировой войны на мировой простор Соединенных Штатов Америки. Это позволило им достаточно точно очертить задачи своей страны в мировой политике, что и предопределило исполнимость их выводов в реальной геостратегии американской сверхдержавы. Приняв к исполнению военно-политическую стратегию «сдерживания коммунизма», администрация Г. Трумэна по существу стала претворять в жизнь геополитические идеи, сформулированные Н. Спайкменом еще в 1942 году.

Подводя итог своему анализу содержания и структуры «холодной войны», один из лучших знатоков внешней политики Советского Союза К. Н. Брутенц писал: «„Холодная война“, конфронтационный кондоминиум Советского Союза и США оказывали уродливое влияние на международные отношения, искажали их естественную динамику, создавали в них атмосферу опасной напряженности, в которой, как червяк в коконе, постоянно таился катастрофический потенциал перерастания в войну „горячую“, в апокалипсис ядерного уничтожения. Схватившиеся в поединке сверхдержавы втягивали в это противоборство и весь остальной мир, побуждая или даже

заставляя принять сторону одного из двух лагерей. Это стоило многим странам самостоятельности, обочивалось вмешательством в их внутренние дела, разжиганием в этих странах политической и идеологической борьбы, навязыванием чуждых моделей развития. В поле борьбы без правил был превращен так называемый „третий мир“ — как бы ничейная земля, где еще была возможна „свободная охота“. Не стали исключением и союзники — их „выстраивали“ согласно блоковой дисциплине. В целом происходила антидемократизация международных отношений»¹⁶.

Стержнем военно — политической стратегии США на протяжении всего периода «холодной войны» было «сдерживание коммунизма». Её теоретические основы обычно связывают с именем Дж. Кеннана, советника американского посольства, а затем и поверенного в делах США в Москве в первые послевоенные годы, который предложил американскому истеблишменту собственный анализ советско-американских отношений и перспектив их развития.

Его «длинная телеграмма» из восьми тысяч слов в феврале 1946 года стала весьма своевременной для правящего класса США, так как переводила на политический язык чувства, испытываемые тогда администрацией президента Трумэна по отношению к «советской угрозе». Госсекретарь США Джеймс Бирнс 5 января 1946 г. докладывал президенту Трумэну о результатах работы Московской (декабрь 1945 г.) сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по подготовке мирных договоров с бывшими вражескими странами. Он резюмировал свой доклад заявлением: Россия пытается «сделать более элегантно способом то, что Гитлер пробовал сделать силой, чтобы господствовать в малых странах». На это Г. Трумэн ответил: «Не думаю, что нужно и дальше играть в компромиссы... Мне надоело баловать Советы».

В своей «длинной телеграмме» Кеннан настаивал на том, что трения между США и СССР проистекают не из непонимания или нечёткости контактов между Москвой и Вашингтоном, а являются органичным следствием специфического восприятия советской системой внешнего мира: «В коммунистической догме, изначально покоящейся на альтруизме цели, они (советские руководители. — М. М.) находят оправдание: своему инстинктивному страху перед внешним миром; диктатуре, без которой не знают как управлять; жестокостям, от которых не осмеливаются воздержаться; жертвам, которые вынуждены требовать. Во имя марксизма, применяя свой метод и тактику, они пренебрегли всеми, без исключения, этическими ценностями. Сегодня они не могут обойтись без этого. Это фиговый листок, свидетельствующий об их моральной и интеллектуальной респектабельности. Без него они стояли бы перед лицом истории в лучшем случае как всего лишь последние в длинном ряду сменяющих друг друга жестоких и никчёмных российских правителей, которые безудержно тол-

кали свою страну к новым высотам военной мощи, чтобы гарантировать безопасность своих внутренне слабых режимов».

И далее: «В основе невротического восприятия Кремлём мировых событий лежит традиционное и инстинктивное русское чувство неуверенности в собственной безопасности. Первоначально это была неуверенность мирного, земледельческого народа, пытающегося выжить на открытых равнинных пространствах в непосредственной близости от воинственных кочевых племён. На это, по мере того, как Россия вступала в контакт с экономически передовым Западом, стал накладываться страх перед более компетентными, более могущественными, более высокоорганизованными сообществами. Такой вид неуверенности в собственной безопасности скорее характерен не для русского народа, а для русских властей. Ибо последние не могли не ощущать, что их правление относительно архаично по форме, хрупко и искусственно в своём психологическом основании и не способно выдержать сравнение или сопоставление с политическими системами западных стран. По этой причине они всегда боялись иностранного проникновения, опасались прямого контакта западного мира с их собственным, опасались последствий того, что русские узнают правду о внешнем мире, а иностранцы узнают всё об их внутренней жизни. И они привыкли искать безопасность не в союзе или взаимных компромиссах с соперничающей державой, а в терпеливой, но смертельной борьбе на полное её уничтожение»¹⁷. Кеннан выводил сталинский подход к миру из коммунистических догматов и русского традиционного экспансионизма, в связи с чем провозглашал непримиримыми цели и принципы, исповедуемые в международной сфере СССР и США.

Советская дипломатия не оставила выступление Кеннана без ответа. В сентябре 1946 года В. М. Молотову представили документ под названием «Внешняя политика США в послевоенный период», больше известный как «записка Новикова», в котором утверждалось, что американская политика характеризуется стремлением США к мировому господству и ограничению роли СССР в послевоенном мире. Записка заканчивалась выводом, что подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, ибо СССР является главным препятствием на пути к мировому господству¹⁸. Таким образом, и американские, и советские дипломаты подготовили документы с оценками, которые ждали в Вашингтоне и Москве. На основе этих документов стал осуществляться пересмотр как американской, так и советской внешних политик.

1 апреля 1946 года меморандум государственного департамента, составленный Х. Фрименом Мэтьюзом, положил начало переводу в основном историософских наблюдений Кеннана в планы оперативной внешнеполитической деятельности США. Разногласия с Советским Союзом в этом документе

трактовались как следствие врожденных негативных свойств советской системы. Америка в этой связи брала на себя миссию убедить Москву «в первую очередь дипломатическим средствами, а если придется, то и при помощи военной силы, если это будет рекомендовано анализом обстановки, в том, что ее нынешний внешнеполитический курс может привести Советский Союз только к катастрофе». Меморандум Мэтьюза ограничивал использование американской военной силы теми районами, где «мощь советских войск может быть встречена оборонительным противодействием военно-морских, десантных и военно-воздушных сил США и их потенциальных союзников — Финляндии, Скандинавских стран, государств Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, Ирана, Ирака, Турции, Афганистана, Синьцзяна и Маньчжурии». Это были в основном пространства, которые Н. Спайкмен включал в римленд, контроль над которым обеспечивал господство в Евразии.

24 сентября 1946 года советник Трумэна Кларк Клиффорд в секретном докладе констатировал, что Кремль может изменить свою политику лишь в том случае, если США будут иметь соответствующий противовес советской мощи: «Основной сдерживающей силой для советского нападения на США или для нападения на те районы мира, которые жизненно важны для нашей безопасности, явится военная мощь нашей страны». В этом докладе провозглашалась глобальная миссия Америки по обеспечению безопасности, охватывающей «все демократические страны, для которых СССР может представлять угрозу или опасность любого вида». Для того, чтобы заключение советско-американского соглашения оказалось возможным, требовалась, по Клиффорду, существенная перемена образа мыслей руководителей СССР в результате появления новой группы лидеров. В какой-то критический момент эта новая группа сможет «выработать вместе с нами новое справедливое и равноправное урегулирование, когда поймет, что мы слишком сильны, чтобы нас можно было разбить, и в достаточной мере преисполнены решимости, чтобы нас можно было запугать», — писал президентский советник.

Американская политика «сдерживания», которая была скорее экспансионистской, нежели оборонительной, только набирала обороты, когда появился документ, ставший на сорок лет библией всех приверженцев концепции «сдерживания». Геополитическая философия «сдерживания» была сформулирована в статье «Истоки поведения Советов», опубликованной в июльском номере журнала «Форин афферз» за 1947 год. Она была написана все тем же Дж. Кеннаном, хотя и была подписана «Мг. Х». Статья постулировала, что Россия, хотя и старается избежать войны, проводит экспансию всеми другими средствами, что Америка и ее союзники должны отвечать «продолжительным, терпеливым, но твердым и бдительным сдерживанием русских экспансионистских тенден-

ций», не исключая возможности «прямого и убедительного употребления контрсилы в постоянно меняющихся политико-географических точках». Достижение мира и сотрудничества мыслилось автором статьи лишь как переход СССР на позиции американского видения мира в результате «обращения противника в свою веру».

Кеннан в этой связи даже рискнул описать механизм, в результате действия которого советская система фундаментально трансформируется. Он полагал возможным, что в какой-то момент различные соискатели верховной власти в СССР «смогут спуститься в недра политически незрелых и неопытных масс, чтобы найти у них поддержку своим определенным требованиям. И если это когда-нибудь случится, то отсюда будут проистекать невероятные последствия для коммунистической партии, ибо членство в ней в широком плане основывалось на железной дисциплине и повиновении, а не на искусстве компромисса и взаимного приспособления. Если вследствие указанного произойдет что-либо, что разрушит единство партии и эффективность ее как политического инструмента, Россия за ночь из одного из самых сильных национальных сообществ превратится в одно из самых слабых и жалких». Немногим из геополитических предвидений было суждено воплотиться в жизнь с такой полнотой, как это случилось с СССР после прихода к власти Михаила Горбачева.

Так была создана концептуальная основа для оправдания практического противодействия США внешнеполитической деятельности СССР. Первым конкретным проявлением стратегии «сдерживания коммунизма» стала «доктрина Трумэна», объявленная США 12 марта 1947 года. Суть ее заключалась в том, что Вашингтон брал под свою защиту Грецию и Турцию, выделил 400 млн. долларов для срочной помощи этим государствам. За это американцы оговаривали право развернуть в этих странах военные базы, которые стали бы барьером для предотвращения возможной советской экспансии в регионы Ближнего и Среднего Востока.

26 февраля, когда в Овальном кабинете Белого дома обсуждалась идея этого документа, Дин Ачесон, в то время заместитель госсекретаря США, мотивировал необходимость планировавшихся «доктриной Трумэна» действий «советским давлением» на Восточную Европу и Ближний Восток. По его мнению, в этих регионах дело дошло до точки, когда только один прорыв «мог бы открыть три континента для советского проникновения». «Как яблоки в бочке, зараженные от одного гнилого», пропадают, так и «разложение» Греции могло бы «инфицировать Иран и весь Восток», а это могло «занести заразу в Африку через Малую Азию и Египет» и «в Европу через Италию и Францию».

Россия, как утверждал Ачесон, «разыгрывает (в районе Ближнего Востока. — М. М.) одну из самых больших авантюры в истории при минималь-

ной ставке». По его мнению, России не нужно было выигрывать все, ибо «даже один или два выигрыша (в ближневосточном регионе. — М. М.) принесут ей большую выгоду». И так как только Америка имела «возможность спутать России карты», Ачесон живописал перспективы мрачного мира, подчиненного коммунистам, если США не используют свой шанс: «В мире останутся только две великие державы... США и Советский Союз. Мы дошли до той точки, когда создавшаяся ситуация имеет параллели лишь в античных временах. Со времени противостояния Рима и Карфагена не было такой поляризации сил. Для США поддержка стран, которым угрожает советская агрессия или коммунистический заговор, равносильна защите самих США, защите свободы как таковой».

Но когда Трумэн провозглашал доктрину, получившую его имя, он предпочел опустить геостратегический аспект ачесоновского анализа. Он акцентировал внимание на общей постановке вопроса о «политике США в поддержку свободных народов, которые противостоят попыткам порабощения вооруженным меньшинством или давлению со стороны». В его послании обеим палатам американского конгресса Советский Союз не упоминался вообще, но фактически оно являлось объявлением СССР экономической и идеологической войны. Именно так поняли в Москве смысл послания Трумэна. Советское руководство и печать, делегация СССР в ООН резко осудили «доктрину Трумэна» как узаконивающую американское вмешательство во внутренние дела других стран, как попытку диктовать свою волю независимым государствам, несовместимую с принципом ООН, согласно которому помощь другим странам не должна использоваться в качестве политического оружия¹⁹.

В свою очередь, 5 июня 1947 года госсекретарь США Дж. Маршалл объявил план «санитарии» Европы, который должен был предотвратить «политические беспорядки», восстановить экономику региона и «поддержать свободные институты» в нем. Первоначально «план Маршалла» предусматривал помощь всем европейским государствам, включая СССР и восточноевропейские страны. 19 июня 1947 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило положительный ответ на ноты британского и французского правительств о созыве 27 июня 1947 г. в Париже Совещания министров иностранных дел трех европейских держав для обсуждения «плана Маршалла». Это свидетельствовало о том, что СССР был заинтересован в получении американских кредитов, то есть в обеспечении дополнительных возможностей для послевоенного восстановления советской экономики. Однако заявление США, что они будут выступать не только против любого правительства, но и любой организации, которая станет препятствовать американскому плану европейского восстановления и ряд условий получения американской помощи вызвали в Советском Союзе недоверие к нему.

24 июня 1947 г. академик Е. А. Варга, директор Института мирового хозяйства и мировой политики, направил В. М. Молотову записку, в которой говорилось, что «план Маршалла» представляет собой инструмент смягчения очередного экономического кризиса в США которые предоставлением кредитов стремятся избавиться от лишних товаров и одновременно экономически подчинить себе европейские страны. Советское руководство обратило серьезное внимание на записку Варги. По указанию И. В. Сталина она была разослана членам Политбюро ЦК ВКП(б) с пометкой «очень важно».

Отношение Сталина к «плану Маршалла» резко изменилось еще и потому, что условием предоставления помощи по этому плану был отказ от ориентации экономики восточноевропейских стран на Советский Союз, а также согласование с США их экспортного списка товаров. Последнее требование фактически исключало возможность поставок в СССР урана из Восточной Германии и Чехословакии. Сталин принял решение отказаться от участия СССР в плане Маршалла и заставил сделать то же восточноевропейские страны.

Примером того, как восточноевропейские страны отказывались от участия в «плане Маршалла» может служить Чехословакия. После того, как глава чехословацкого правительства К. Готвальд 8 июня 1947 г. сообщил послу СССР в Праге М. Ф. Бодрову о принятом решении участвовать в конференции в Париже, он был немедленно вызван в Москву, где 9 июня Сталин объяснил ему, что Парижская конференция является частью западного плана по экономической изоляции Советского Союза, и в этой связи он, Сталин, не может допустить использования Чехословакии в антисоветских целях. Стоит ли удивляться, что 11 июня правительство Чехословакии отказывается от участия в «плане Маршалла». Комментируя эти события, министр иностранных дел Чехословакии Я. Масарик говорил своим друзьям: «Я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся как сталинский батрак»²⁰.

Парижская конференция 16 европейских государств, согласившихся принять помощь по плану Маршалла, состоялась без СССР и народно-демократических стран. За 4 года действия этого плана США выделили 17 млрд. долларов, которые пошли на восстановление экономики Западной Европы, прежде всего базовых отраслей ее промышленности. Экономический раскол Европы стал фактом. Реализация «плана Маршалла» была связана также с наступлением на демократические силы западноевропейских стран (из правительств Италии и Франции были введены министры-коммунисты). С провозглашением и реализацией «плана Маршалла» начался процесс не только экономической, но и политической консолидации стран Запада.

По инициативе Великобритании в марте 1948 г. был создан Западный союз, куда вошли Англия,

Франция и страны Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург). США в это время уже приступили к формированию военно-политического союза западных стран под своим руководством. 4 апреля 1949 г. был подписан Североатлантический договор (НАТО), участниками которого стали 12 государств (к ним в 1952 г. присоединились Греция и Турция, в 1955 г. — ФРГ). Советское руководство резко выступало против планов создания НАТО. 29 января 1949 г. было опубликовано заявление МИД СССР, в котором отмечалось, что цели этого блока связаны с планами установления англо-американского мирового господства, что участие в Североатлантическом альянсе ограничит возможности его членов в проведении самостоятельной внешней политики. В документе также подчеркивалось, что создание НАТО противоречит Уставу ООН, британо-советскому и франко-советскому договорам о дружбе и взаимопонимании.

31 марта 1949 г. был опубликован «Меморандум Правительства СССР о Североатлантическом Договоре», в котором также содержались аргументы против создания этого военно-политического блока²¹. В противовес созданию НАТО СССР предложил подписать пакт мира между пятью великими державами. Но эта советская инициатива западными странами была отклонена. Стало ясно, что ради борьбы с «советской угрозой» и возможной экспансией СССР западные державы не только активно участвовали в «холодной войне», но и готовились к войне «горячей».

Г. Киссинджер свидетельствует в своей книге «Дипломатия», что политика «сдерживания» вызвала в США недюжинные творческие силы, имея в виду решение задачи создания «позиции силы». Он писал, что «план Маршалла», охвативший 22 государства и за 3 года обошедшийся американцам в 10,2 млрд. долларов, дал возможность Европе встать на ноги, а создание Североатлантического альянса обеспечило ей безопасность. В феврале 1949 года группа сотрудников госдепартамента и министерства обороны США разработала документ под названием «Национальный совет по безопасности-68», намечавший основные направления американской внешней и оборонной политики. В нем констатировалось, что Америка, будучи самой великой свободной страной, имеет моральную, политическую и идеологическую обязанности оберегать свободные институты во всем мире и должна обладать необходимыми военными средствами, чтобы выполнить эту историческую миссию.

Реализация указанной задачи привела к тому, что США стали одной из самых милитаризованных стран мира. Они приняли на себя военные обязательства в отношении 47 государств на всех континентах земного шара, построили или заняли 675 заокеанских военных баз, расположив в них сотни тысяч своих солдат, оснащенных всеми видами вооружений, в том числе и ядерного. В 1957 году, когда уже все бастионы «сдерживания» были отстроены и укомплектованы

защитниками, Дж. Кеннан выступил против чрезмерной милитаризации его замысла. В 1968 году, будучи профессором Принстонского университета, Кеннан публикует свои мемуары, в которых довольно критично оценивал свои изложенные в 1947 году взгляды на американо-советские отношения.

По его словам, самый серьезный недостаток статьи «мистера Икс» заключался в неясности очерченных средств сдерживания советской мощи. На самом деле он имел в виду «не сдерживание военными средствами военных угроз, а политическими средствами политических угроз». Вместе с тем Кеннан не отрицал, что сформулированная им стратегия была нацелена на изменение политико — территориальных реалий в послевоенной Европе и что целью «сдерживания» вовсе не было соблюдение статус-кво, сложившегося в результате Второй мировой войны.

Как свидетельствуют американские исследователи, стратегия «сдерживания СССР» не стала для американского истеблишмента консенсусной и была подвергнута серьезной критике с трех направлений. Во-первых, наиболее последовательно и талантливо атаковал концепцию «сдерживания» известный американский политический обозреватель и аналитик Уолтер Липпман. Его критические аргументы и доводы были связаны с наблюдением, что политика «сдерживания» позволяет Советскому Союзу выбирать в реальном противоборстве точки максимального дискомфорта для Соединенных Штатов и сохранять за собой при этом не только дипломатическую, но и военную инициативу. «Уже более сотни лет, — утверждал он, — все российские правители пытались распространить свое влияние на Восточную Европу. Но лишь тогда, когда Красная Армия вышла на реку Эльба, правители России оказались в состоянии реализовать амбициозные планы Российской империи в сочетании с идеологическими целями коммунизма. И потому настоящая политика должна иметь целью такое урегулирование, которое повлекло бы за собой нашу эвакуацию из Европы ... Американскую мощь следует использовать не для того, чтобы „сдерживать“ русских в разбросанных там и сям точках, но держать под контролем всю русскую военную машину и осуществлять все возрастающее давление в поддержку дипломатической политики»²², конкретной целью которой явится вывод войск.

Оценивая рассуждения Липпмана, Г. Киссинджер писал: «Кеннан верно оценил фундаментальную слабость коммунизма; Липпман точно предсказал затруднения, сопряженные с проведением в жизнь политики „сдерживания“, вынужденной лишь реагировать на уже случившееся. Кеннан призывал к терпению и выдержке, чтобы дать истории реализовать необратимые тенденции; Липпман призывал проявлять дипломатическую инициативу и обеспечить европейское урегулирование, пока мощь Америки все еще является преобладающей. Кеннан обладал большой проницательностью в смысле понимания

действующих механизмов американского общества; Липпман же осознал все возрастающий характер напряжения, которое продолжилось бы бесконечной патовой ситуацией и сомнительностью поддерживаемых Америкой целей в процессе осуществления политики „сдерживания“»²³.

Во-вторых, «сдерживание», которое в официальной интерпретации предполагало создание военного потенциала, позволяющего действовать с «позиции силы», подвергалось нападкам со стороны тех политиков, которые считали мощь Америки достаточной для того, чтобы тотально обострить конфронтацию с Советским Союзом, вынуждая его идти на результативные переговоры. Опираясь на монопольное владение атомным оружием, эта часть американской элиты высказывалась за проведение ультимативной дипломатии с тем, чтобы сузить советскую сферу влияния или хотя бы ограничить масштабы его распространения. Она не разделяла убеждения администрации Трумэна в том, что отношения с СССР следует формировать, имея в виду конечное его поражение, ибо к нему можно идти бесконечно долго.

С ее позиций вопрошал У. Черчилль 9 октября 1948 года в валлийском городке Ллалундо: «Встает вопрос, а что произойдет, когда у них появится атомная бомба и они накопят значительный атомный запас? Можете судить сами, что случится, исходя из того, что происходит сейчас. Если такое творится весной, то что же будет осенью? Никто в здравом уме и твердой памяти не поверит, что в нашем распоряжении ничем не лимитируемый срок. Мы обязаны поставить вопрос ребром и произвести окончательное урегулирование. Хватит бегать вокруг да около, действовать предусмотрительно и некомпетентно в ожидании, когда что-нибудь да проявится, причем я понимаю это так, что проявится нечто для нас скверное. И западные нации скорее смогут добиться долгосрочного урегулирования и избежать кровопролития, если они сформируют свои справедливые требования, пока атомное оружие находится только в нашем распоряжении и русские коммунисты еще не овладели атомной энергией»²⁴. Политических деятелей такого плана не устраивало даже само название стратегии, действительно интервенционистский характер которой только прикрывался фразеологией о «сдерживании».

В-третьих, постоянными критиками политики «сдерживания» выступали последовательные либералы, лидером которых в первые послевоенные годы выступал Генри Уоллес, один из ближайших сотрудников Франклина Рузвельта в недалеком прошлом. Уоллес считал, что Америка не должна распространять свое право одностороннего вмешательства на весь земной шар. В начале 1947 года он утверждал: «Нам может не нравиться то, что делает Россия в Восточной Европе. Ее вариант земельной реформы, экспроприации и подавления основных свобод оскорбляют подавляющее большинство

населения Соединенных Штатов. Но нравится нам это или нет, русские пытаются социализировать свою сферу влияния точно также, как мы пытаемся демократизировать нашу сферу влияния... Русские представления о социально-экономической справедливости способны восторжествовать на одной трети земного шара. Наши представления о демократии свободного предпринимательства будут торжествовать на большей части остальной территории. И оба эти представления будут стремиться показать, какое из них даст наибольшее удовлетворение простому человеку в соответствующих районах политического преобладания».

Г. Уоллес за свои взгляды был изгнан из правительства США, на президентских выборах 1948 года собрал в свою поддержку лишь чуть более миллиона голосов, но его критика «сдерживания» стала неизменной частью негативного отношения части американского общества в целом к «холодной войне». Речь шла, в первую очередь, о моральной несостоятельности США и их друзей — союзников, о самозванстве Америки в том, что касалось защиты любого района мира от часто воображаемых угроз, о приоритете общественного мнения в формировании национальной внешней политики по сравнению с геополитическими комбинациями, и т. д.

По мере того, как стратегия «сдерживания» превращалась в конкретную политическую линию и приобретала реальные очертания, «холодная война» накладывала свой отпечаток на все больший спектр международных проблем, становившихся не решаемыми в условиях биполярного мира. Пытаясь ухватить суть складывавшегося нового мирового порядка, Г. Киссинджер пробовал описать его, проводя аналогии с кануном Первой мировой войны: «Через четыре года после безоговорочной капитуляции держав „оси“ международный порядок был во многом сходен с периодом перед самым началом Первой мировой войны: имело место наличие двух жестко организованных союзов при весьма ограниченном пространстве для дипломатического маневра, но на этот раз в масштабе всего земного шара. Было, правда, одно отличие кардинального характера: союзы перед началом Первой мировой войны сплывало опасение каждой из сторон, как бы перемена партнерства любым из членов союза не привела бы к краху сооружения, которое как бы обеспечивало безопасность. Иными словами, наиболее воинственный из партнеров получал возможность толкать всех остальных в пропасть. Во время холодной войны, однако, каждый из союзов возглавлялся сверхдержавой, без которой союз в значительной мере не мог существовать, и которая в достаточной степени была заинтересована в том, чтобы нейтрализовать риск вовлечения в войну, идущий со стороны любого из своих союзников»²⁵.

Для западного блока стратегия «сдерживания» предполагала точные границы, пересечение которых означало бы для русских «казус белли». В Европе они

оказались достаточно ясными. Запустив в действие «план Трумэна» и «план Маршалла», спровоцировав раздел Германии на два государства, создав НАТО, западные союзники превратили в реальность фигуральное выражение У. Черчилля «железный занавес». Единственной лазейкой в этом занавесе был Западный Берлин, где в 1948 году и случился первый из нескольких известных берлинских кризисов. Советские оккупационные власти, ссылаясь на «технические трудности», летом 1948 года перекрыли доступ англо-американо-французским союзникам в Западный Берлин через свою зону.

Генерал Люциус Клей, возглавлявший американские войска в Германии, попросил разрешение «использовать военную часть, равную жандармскому полку, усиленному взводом гранатомётчиков и инженерным батальоном», для сопровождения конвоя в Западный Берлин. Он собирался «расчистить все препятствия, даже если это спровоцирует нападение». Это предложение подробно обсуждалось в Вашингтоне и было отвергнуто. Министр обороны США Форрестол объявил: «Объединённый комитет начальников штабов не рекомендуют снабжать Берлин с помощью вооружённых конвоев, имея в виду связанную с этим угрозу войны и недостаточную подготовленность США к глобальному конфликту».

Позднее Н. С. Хрущёв в своих мемуарах утверждал, что таким образом Сталин просто «прощупывал капиталистический мир острием штыка». Ситуация была преодолена с помощью «воздушного моста», продемонстрировавшего, что американские самолёты способны перебрасывать в западные сектора Берлина столько же грузов, сколько их поступало в эту часть города по железным и автомобильным дорогам. Берлинский кризис стал первым из конфронтационных пиков «холодной войны», который мог легко спровоцировать «войну горячую».

12 мая 1949 года блокада Западного Берлина, так ничего и не принеся её инициаторам, была снята. Но произошло это уже после того, как 4 апреля 1949 года 11 стран западного мира подписали договор о создании Североатлантического альянса (НАТО). Укрепление единства западной части мира сопровождалось консолидацией советской зоны влияния в Европе — в связи с победой коммунистов в Чехословакии (1948), образованием Германской Демократической Республики (1949), повышением дисциплины европейских народно-демократических стран в ходе антиюгославской компании и т. д.

«Летом 1947 года, после объявления „плана Маршалла“, Сталин решил навести порядок в своей восточноевропейской империи. Он провёл первую встречу Коминформбюро в Белграде, чтобы показать, что Югославия является неотъемлемой частью системы. Но в действительности его целью было заменить местных коммунистических лидеров с их национальными позициями такими, которые были всем обязаны Сталину и русской поддержке. Чешский переворот

1948 года был частью этого процесса. Сталин также планировал уничтожить Тито, которому никогда не мог простить грубого послания времен войны: «Если не можете нам помочь, не мешайте хотя бы бесполезными советами». В том месяце, когда было уничтожено руководство Чехословакии, Сталин собрал в Москве Димитрова, болгарского лидера, уже сломленного им, Эдварда Карделя и Милована Джиласа. Одним из них, который окажется более податливым, он намеревался заменить Тито. Сталин предложил объединить Югославию и Болгарию в экономическую федерацию по примеру Бенилюкса.

Когда Тито получил сообщение о встрече, он почувствовал заговор против себя. Как и Сталин, он был «тертым политическим калачом», знакомым с законами выживания. В первую очередь он прервал утечку информации из внутренних югославских государственных и партийных органов к их партнерам в Москве. 1 марта 1948 он довел кризис до кипения, заставив свой Центральный Комитет отказаться от предложенного Сталиным договора. В последовавшей за этим идеологической полемике, начавшейся 27 марта, Тито был обвинен в антисоветизме, в отсутствии демократичности, самокритичности и классово сознательности, в тайных связях с Западом и антисоветском шпионаже. Возглавляемая им партия была заклеена как меньшевистская и бухаринско-троцкистская. Обвинения доходили до грубых угроз жизни Тито, которого устрашали «очень поучительной карьерой Троцкого».

28 июня Коминформбюро предупредило, что план Тито состоял в том, чтобы «подладиться к империалистам», подготавливая почву для учреждения «обыкновенной буржуазной республики», которая с течением времени стала бы «колонией империалистов». Коммюнике призывало «здоровые силы в Югославской компартии» сменить сегодняшних руководителей. Яростный и раздражительный тон коммюнике выражал растущее подозрение Сталина в том, что Тито опережал его на шаг на всех этапах полемики, которая просто служила ему средством для выявления сторонников Москвы в своей партии. Тито снял с постов двух главных соратников, расстрелял своего бывшего во время войны начальника штаба, бросил в тюрьму заместителя по политической работе в армии и в целом посадил за решетку 8400 заподозренных в нелояльности, причем аресты продолжались до 1950 года.

Сталин применил антиюгославские экономические санкции, проводил маневры возле границ Югославии, а в 1949 году спровоцировал показательные процессы в странах-сателлитах с Тито в роли сверхзлодея. Но способность Тито объединять свою партию вокруг националистической линии («не имеет значения, как сильно каждый из нас любит родину социализма СССР, он ни в коем случае не может любить меньше свою собственную страну») убедила Сталина: он не может побороть режим Тито без открытого

вторжения в Югославию Красной Армии и крупных сражений с участием Запада.

Тито никогда не переходил официально под зонтик Запада, но гарантии с его стороны подразумевались. Когда он посетил Лондон в 1953 году, Черчилль сказал ему: «Если на нашего союзника Югославию будет совершено нападение, мы будем биться и умирать с вами». На что Тито ответил: «Это священный обет, и он для нас достаточен. Нам не нужны письменные договоры». Сталин был вынужден примириться со сложившейся ситуацией, хотя в этом никогда и никому не признавался²⁶.

Но на Дальнем Востоке границы «сдерживания» оказались весьма расплывчатыми, неопределенными. В первые послевоенные годы американские стратеги в замешательстве наблюдали, как здесь рушится одна из рузвельтовских опор послевоенной стабильности — Китай. Они продолжали поддерживать во внутренней китайской междоусобице гоминьдановца Чан Кайши против коммуниста Мао Цзедуня, хотя и предчувствовали тщетность своих усилий. Только окончательная победа последнего в 1948–1949 годах навела американцев на мысль, что им не остается ничего иного, как переориентироваться на союз с Японией и привязать ее к Западу при помощи щедрого мирного договора и «золотого дождя» для восстановления экономики. Все это превращало Японию в главного партнера США в азиатско-тихоокеанском регионе. С 1949 года Япония оказалась под «американским зонтом», обеспечивавшим ее безопасность в условиях «полукольца враждебности»:

- с севера — со стороны СССР;
- с запада — со стороны Китая.

Подобная переориентация американской политики на Дальнем Востоке представлялась с геополитической точки зрения оправданной, так как Япония была, безусловно, морской державой, в то время как Китай, вне всякого сомнения, принадлежал к континентальным силам. Но в этой геополитической перестройке вызывало вопросы объявленное 12 января 1950 года Динем Ачесоном намерение США исключить из своего оборонного периметра не только Тайвань и Индокитай, но и Южную Корею. К этому времени с Корейского полуострова были выведены советские и американские оккупационные войска, но корейский народ оставался разделенным границей между двумя государствами. Основным аргументом Ачесона в пользу такого предложения заключался в том, что переход Китая под власть коммунистов вовсе не означал для США абсолютной потери, потому что Китай и Россия должны были «в скором времени схватить друг друга за горло».

Он считал, что «поглощением целиком или частично четырех северных китайских провинций (Внешней и Внутренней Монголии, Синьцзяна, Маньчжурии) СССР обязательно вызовет гнев, возмущение и ненависть китайского народа». Комментируя эту речь, Пол Джонсон отмечал: «Речь Ачесона

в январе 1950 года, пронизанная самообольстительной идеей, что Китай, оставленный Западом в покое, должен будет порвать с Россией, указывала на опасность; подчеркнутый в ней пропуск Кореи выявлял лекарство. Ограниченная эрзац-война в Корее могла послужить средством подказать Китаю, где сосредоточены его действительные военные интересы. Если рассуждения Сталина были такими, то они оказались правильными»²⁷. Повысив температуру международных отношений на Дальнем Востоке, Сталин намеревался прочно привязать Пекин к Советскому Союзу. 25 июня 1950 года северокорейский лидер Ким Ир Сен начал атаку на Южную Корею, превратив разведку боем в полномасштабное наступление.

Уже 27 июня, спустя два дня после пересечения северокорейскими войсками 38-ой параллели, Трумэн приказал американским военно-воздушным и военно-морским силам начать боевые действия, а 30 июня послал в бой и сухопутные силы, до тех пор несшие оккупационную службу в Японии. Американскому президенту удалось прикрыть интервенцию в Корее мандатом ООН, скрыв от общественности геополитический характер войны и объясняя ее ведение со стороны США скорее соображениями наказания агрессора, чем преследованием собственных интересов.

Но фактом являлось то обстоятельство, что войну в Корее и Трумэн, и члены его администрации восприняли как начало осуществления глобального плана СССР и Китая по сокрушению западного мира, то есть как прелюдию столкновения держав моря и суши. В этой связи Соединенные Штаты взяли под свою защиту Тайвань, полагая, что «оккупация Формозы коммунистическими силами означала бы прямую угрозу безопасности тихоокеанского региона и силам США, выполняющим в этом регионе законную и необходимую функцию».

Одновременно была увеличена американская помощь французской армии, которая пыталась сдерживать национально-освободительное движение колонизированных народов Индокитая. Газета «Женьминь жибао» писала в это время о планах США организовать блокаду Китая, которая имела бы очертания «растянутого змея». «Начиная от Южной Кореи, — писал центральный орган ЦК КПК, — этот змей тянет свое тело через Японию, острова Рюкю, Тайвань, а также Филиппины, и потом забрасывает себя во Вьетнам».

Война в Корее, докатившись сперва до южной оконечности полуострова, повернула затем на север и дошла до границы на реке Ялу, отделявшей КНДР от Китая, с тем, чтобы еще дважды пересечь 38-ю параллель и остановиться на той же линии, с которой она началась. Восстановление статус-кво в этом регионе потребовало жизни 34 тысяч американцев, более 1 миллиона корейцев и почти 250 тысяч китайских добровольцев.

Этот жестокий и горячий эпизод периода «холодной войны» имел для международной жизни ряд серьезных и глубоких последствий:

- во-первых, стало ясно, что «холодная война», начавшаяся по поводу зоны влияния СССР в Восточной Европе, увеличила свой размах и достигла мирового масштаба;
 - во-вторых, корейская война послужила мощным импульсом для милитаризации США: ассигнования на оборону подскочили с 17,7 млрд. в 1950 до 44 млрд. в 1952 годах, перешагнув 50-миллиардный рубеж в 1953 году, что позволило разработать тактическое ядерное оружие, ускорить строительство заокеанских военно-воздушных баз, создать ядерный авианосный флот, сформировать силы быстрого реагирования для их использования в любом регионе мира, создать стратегическое воздушное командование США, компетенция которого была распространена на весь мир, и т. д. Перевооружались и довооружались союзники Америки, реальностью стала ремилитаризация ФРГ;
 - в-третьих, война в Корее действительно способствовала сближению СССР и КНР, но одновременно, продемонстрировав первостепенное значение военной силы китайцев, заставила СССР считаться с появлением еще одной серьезной армии на своей юго-восточной границе. Американские аналитики полагали, что допущенная Сталиным агрессия северных корейцев на Дальнем Востоке в известной мере выполнила предназначающуюся ей роль, отсрочив на 10 лет конфликт между СССР и Китаем;
 - в-четвертых, эта война продемонстрировала опасность использования в ходе локального конфликта атомного оружия: в дневнике Г. Трумэна отмечалось, что он намеревался использовать ядерное оружие дважды — 27 января и 18 мая 1952 года, — и только счастливый оборот событий в пользу американцев позволял ему отказываться от своих намерений;
 - в-пятых, итоги корейской войны свидетельствовали об ущербности двух исходных моментов стратегии «сдерживания»: с одной стороны, убежденности её творцов в том, что подорванная войной экономика и отставание в технологическом развитии не дадут Советскому Союзу возможности играть активную геополитическую роль в мире; с другой стороны — уверенности американских правящих кругов в том, что доминирование США в зоне римленда является достаточным для контроля над континентальным хартлендом.
- И дело не только в том, что в августе 1949 года СССР взорвал атомное устройство, хотя такой взрыв на Семипалатинском полигоне, в самом центре Азии, «звучал для западных политиков как грозное предостережение из глубин материковой сердцевины»²⁸, что мощь континентального блока приросла потенциалом Китая. Импульсы из хартленда способствовали развитию в мире такого мощного и судьбоносного

для него явления, как национально — освободительное движение колониальных и порабощенных народов, антиимпериалистическая направленность которого в известной мере обесценила стратегическую роль римленда в борьбе против материковой сердцевины. Политика «железного кулака», проводившаяся Г. Трумэнном под видом стратегии «сдерживания» СССР, не принесла США желаемых результатов.

Более того, усиление позиций Советского Союза в глобальном масштабе стало реальностью. К тому же ликвидация ядерной монополии США, появление ядерного оружия в распоряжении Советского Союза послужили серьёзным сдерживающим фактором мировой американской экспансии. Возникла реальная угроза «большой войны», к чему не были готовы ни «силы моря», ни «силы суши». Наконец, американская стратегия «сдерживания», часто опрокидываемая реальными международными процессами, требовала своего уточнения. Для этого понадобились углубление геополитической теории и смена политического лидера в США — президента.

1953 год принёс с собой два важнейших события: в должность президента США вступил Дуайт Эйзенхауэр и умер И.В. Сталин, оставив своим преемникам в СССР план прекращения «холодной войны», в первую очередь ликвидации вызванной ею гонки вооружений. В марте 1952 года советский вождь выступил с инициативой заключения между СССР и США договора о взаимном признании американской зоны влияния в Западной Европе, советской — в Восточной Европе, которые разделялись бы объединённой и вооружённой, но нейтральной Германией. «Мирная нота по Германии» была нацелена на преодоление конфронтации между двумя сверхдержавами и начало переговорного процесса по снижению международной напряжённости за счёт серьёзных уступок со стороны СССР. Но эта инициатива запоздала, по крайней мере, на четыре года: вооружение Германии уже шло полным ходом и она стала членом НАТО.

«Точно также, как в 1945 году, когда Сталин проигнорировал наличие у Америки доброй воли, — отмечал Г. Киссинджер, — в 1952 году он недооценил, до какой степени западные страны разочарованы его действиями на протяжении данного отрезка времени. В период с 1945 по 1948 годы американские руководители были готовы пойти на урегулирование с Советским Союзом, но не желали и были ещё не в состоянии оказывать на Сталина массивное давление. В 1952 году Сталин уже воспринимал давление со стороны Америки как достаточно серьёзное, но к этому моменту западные лидеры уже неоднократно убеждались в наличии у него заведомо дурных намерений. Поэтому они восприняли его инициативу как просто очередной шаг в „холодной войне“, результат которой — либо победа, либо поражение. Компромисс со Сталиным стал неактуальным»²⁹.

И всё же, несмотря на то, что пришедшие на смену Сталину советские руководители не сумели

использовать весь позитивный потенциал «мирной ноты», равно как и проникнуть во всю глубину задуманного генералиссимусом маневра, тем не менее переговоры между двумя сверхдержавами начались, так как за них высказался новый президент США Эйзенхауэр.

С его именем в историографии послевоенных международных отношений связывается начало нового этапа в «холодной войне». Биограф Эйзенхауэра С. Амброуз отмечал в этой связи: «Когда Эйзенхауэр оглядывался назад, на 1953–1954 годы, начало его президентства, он испытывал чувство глубокого личного удовлетворения. Ему многое удалось сделать за это время и, прежде всего, провести переговоры и сохранить мир... Временами казалось, что он был единственным человеком, способным выполнять эту работу. В середине 1953 года большинство советников по военным, внешнеполитическим и внутриполитическим вопросам были против заключения перемирия в Корее. Но Эйзенхауэр настоял на своём. В 1954 году пять раз Объединённый комитет начальников штабов, Национальный совет безопасности и госдепартамент рекомендовали ему начать интервенцию в Азии даже с применением атомных бомб:

- в первый раз — в апреле, когда положение в Дьенбьенфу стало критическим;
- второй раз — в мае, накануне падения Дьенбьенфу;
- в третий раз — в конце июня, когда французы заявили, что китайцы вот-вот вмешаются в конфликт;
- в четвёртый раз — в сентябре, в начале обстрела китайцами островов Квемей и Матсу;
- в пятый раз — в ноябре, после объявления китайцев, что американским лётчикам вынесены судебные приговоры.

Пять раз в течение одного года эксперты советовали Эйзенхауэру нанести ядерный удар. Пять раз он отвечал „нет“³⁰.

Полемизируя с установками, определявшими политический курс Трумэна, новый хозяин Белого дома в первые же дни пребывания на посту президента заявил о том, что «отсталая цивилизация по другую сторону „железного занавеса“, имеющая второсортную промышленность, не может создать мощный военный потенциал», в связи с чем высказался против политики «железного кулака» в отношениях с Россией. Эйзенхауэр чутко уловил непопулярность международной политики, проводившейся администрацией Трумэна, возникшей не потому, что эта политика была аморальной, а в первую очередь потому, что оказалась неэффективной. Нельзя сказать, что геополитические взгляды Д. Эйзенхауэра чем-то принципиально отличались от соответствующих убеждений Г. Трумэна.

Сам он следующим образом определял приоритеты внешнеполитической стратегии США: «Основные принципы нашей глобальной стратегии

понять не трудно. Европа не должна пасть, мы не можем перевезти её сюда, мы должны сделать её сильнее. Затем о Среднем Востоке — это половина нефтяных ресурсов. Мы не должны допустить, чтобы они отошли к России. Юго-Восточная Азия — ещё одна критическая точка, мы должны поддерживать французов во Вьетнаме. Одними угрозами ответного удара нельзя обеспечить нашу безопасность. Америка должна сохранить своё положение и позицию силы. В противном случае русские постепенно всё захватят без борьбы»³¹. И он, как видно из этого высказывания, перечислял в качестве «критических» регионы, входившие, согласно Н. Спайкмену, в римленд, и он ратовал за «позицию силы» и стратегию «сдерживания».

Разница заключалась в методах, предлагавшихся для реализации одних и тех же геополитических целей. Эйзенхауэр не мог принять политику Трумэна хотя бы потому, что как один из авторитетнейших военных стратегов своего времени, руководивший союзными войсками в Западной Европе после открытия второго фронта, он прекрасно понимал бесперспективность постоянной эскалации противостояния с Россией. «Предположим, Россия побеждена, — рассуждал он. — Я хочу, чтобы вы подумали над возможностью такой ситуации... Допустим, вы одержали такую победу. Что вы будете делать с ней? Перед вами откроется громадное пространство от Эльбы до Владивостока, разрушенное, растерзанное, без правительства, без коммуникаций, просто пространство, на котором люди умирают от голода и бедствий. Я спрашиваю вас, что будет делать цивилизованный мир с такой ситуацией? Повторяю, победа может быть только в вашем воображении»³².

И как политик, и как военный стратег, Эйзенхауэр не видел для США чего-либо полезного и приемлемого в силовых столкновениях с Россией. В отличие от Трумэна и ведущих политических деятелей его администрации, он имел опыт общения и сотрудничества с русскими, когда напрямую общался не только с Г.К. Жуковым, но и с И.В. Сталиным, когда решал вопросы координации военных действий на заключительном этапе разгрома фашистской Германии. В июле–августе 1945 года он посетил Москву, где смог воочию убедиться, сколь дорогой ценой достался России её беспрецедентный подвиг во имя спасения всего человечества и как дорожат своей победой советские люди.

Для него противники в «холодной войне» представляли в образе людей, с которыми он встречался и которые были ему известны по личным наблюдениям. Отсюда и его убеждение в том, что военное столкновение с Россией неразумно и бесперспективно, и это кредо он пронёс через всю свою политическую жизнь. Важным было и глубокое убеждение Эйзенхауэра в том, что «атомную войну нельзя вообразить, обычную войну нельзя выиграть, а с тупиковой ситуацией нельзя согласиться». Он «намеревался использовать ЦРУ в более активной роли,

чем та, которая была определена Трумэном. При нём деятельность управления была сконцентрирована на сборе разведывательных данных по всему миру и их оценке. Эйзенхауэр считал, что это учреждение нужно использовать более эффективно, что оно вообще может стать одним из главных американских средств борьбы в „холодной войне“, считая таковым „способность ЦРУ осуществлять тайные операции“»³³.

Президентство Дуайта Эйзенхауэра было окружено мифами, большую часть из которых поддерживал он сам. Он скрывал свои способности и действия, так как полагал, что автократическое руководство, в котором нуждалась Америка, да и весь мир, нужно прятать тайно. Поэтому он всегда стремился создать впечатление, что является лишь конституционным распорядителем власти, который делегирует принятие решений своим коллегам, максимум времени проводя за игрой в гольф. За ним прочно укрепилась слава добронамеренного, интеллектуально ограниченного, невежественного, невыразительного, часто слабого и всегда ленивого человека. Однако более прав в его оценке был Дж. Кеннан, который писал, что во внешних делах Эйзенхауэр был «человеком острого политического ума и проницательности. Когда он серьёзно рассуждал по этим вопросам в узком официальном кругу, грандиозные идеи мелькали одна за другой за его причудливым военным жаргоном, на котором он привык выражать и скрывать свои мысли».

Будучи одним из самых выдающихся государственных деятелей послевоенного времени, он в своей политической деятельности придерживался трёх ясных принципов:

- во-первых, недопущения войны. Разумеется, он считал, что если Россия решит уничтожить Запад, то придётся дать отпор. Для этого Америка всегда должна быть достаточно сильной. Но ненужных войн (таковой он считал корейскую) надо избегать с помощью ясности, твёрдости, осторожности и мудрости. Поддержка конгресса и одобрение союзников — вот те два условия, которые Эйзенхауэр выдвигал, решая вопрос об американском вмешательстве где-либо. На такой же основе он сформировал военно-политические союзы на Ближнем, Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии с участием США, которыми он дополнил НАТО;
- во-вторых, это конституционный контроль над военными усилиями. В 1954 году Эйзенхауэр создал Совет консультантов по иностранной разведывательной деятельности, укомплектованный исключительно гражданскими лицами, который помогал ему держать под контролем военную верхушку США. Самым большим опасением Эйзенхауэра в годы «холодной войны» была возможность прорыва к власти сверхусердных «медных касок» и алчных поставщиков оружия, тех, кто представлял военно-промышленный комплекс (это понятие, которое сразу же при-

обрело широкую популярность в политической и научной среде, было сформулировано самим президентом). Будучи, что называется, «военной косточкой», он не любил и не поощрял участия в политике генералитета, чтобы не допустить беспредельной милитаризации общественной жизни страны;

- в-третьих, этот американский президент был убеждён, что безопасность США и возглавляемого ими свободного мира зависит в первую очередь от устойчивости и процветания американской экономики. Обвиняя военных в лоббировании неумеренных ассигнований на оборону, он сформулировал постулат, пригодный для руководителей всех стран: «То, что наша страна может задохнуться до смерти из-за увеличения военных расходов, так же справедливо, как и то, что она сама погубит себя, если не будет расходовать достаточно на свою оборону»³⁴.

Не случайно в годы президентства Эйзенхауэра появляется «культурная геополитика» Д. У. Мэйнига. В 1956 году этот автор публикует статью «Культурные блоки и политические блоки как модели международных отношений», в которой утверждал, что по мере отдаления от Второй мировой войны взаимосвязь между моделями национальных культур и политической географией становилась всё более тесной и определяющей. «Чисто военно-стратегический анализ, — писал он, — эфемерен, а стратегия становится присущей и для мирного ведения дел. Здоровая геополитическая стратегия всегда опирается на людей, то есть на социально-культурные группы в их регионально-глобальном местоположении. И в этом оправдание моей попытки перенести их из военного контекста и дать им более широкую интерпретацию»³⁵;

Концепция «культурной геополитики» Мэйнига была реакцией американской геополитической мысли на недостаточную эффективность политики «сдерживания» посредством постоянной демонстрации «железного кулака», приведшей США к прямо противоположному ожидаемому результату:

- вместо сдерживания и подрыва влияния СССР в мире — к расширению и упрочению его мировых позиций;
- вместо деградации хозяйственной жизни — к выдающимся прорывам в фундаментальных науках и военных технологиях (создание атомного оружия, первенство в испытании ядерной бомбы, лидирование в освоении космоса).

4 октября 1957 года американцы были поражены, признаёт Пол Джонсон, тем, что Россия вывела на орбиту 184-фунтовый космический спутник Земли. В следующем месяце за ним последовал намного больший, весом в 1120 фунтов, спутник с собакой Лайкой на борту. Первый американский спутник — «Эксплорер-1» — был выведен на орбиту только 31 января 1958 года и весил всего 30 фунтов.

Америка тоже строила большие ракеты, в том числе и огромную военную ракету «Сатурн», разработанную Вернером фон Брауном в Хантсвилле, штат Алабама. Но обогнать русских в создании мощных баллистических ракет долго не удавалось. 12 апреля 1961 года Россия вывела в космос первого человека — Юрия Гагарина, опередив американцев почти на 4 недели. Осталась запись встречи в Белом доме, состоявшаяся по инициативе Джона Кеннеди и свидетельствующая о растерянности, проявленной американской администрацией в те дни (совещание состоялось 14 апреля). Президент США вопрошал: «Существует ли какая-нибудь область, в которой мы можем их догнать? Что нужно предпринять? Можем ли облететь Луну раньше них? Можем их перегнать? Если бы кто-то мог сказать мне, как их догнать! Давайте найдём хоть кого-нибудь, кого угодно. Мне всё равно, хоть вон тот сторож, лишь бы знал, как»³⁶.

США не удалось воспользоваться вакуумом, возникшим после Второй мировой войны, когда объективно была пресечена культурная экспансия не только побеждённых Германии и Японии, но и победивших, однако ослабевших от потребовавшихся предельных военных усилий Англии и Франции. Если следовать логике рассуждений Мэйнига, то набор ценностей и культурная ориентация, которую предлагала освободившимся странам Россия, были для многих из них более привлекательными в тот исторический момент, чем англо-саксонская культурная традиция, способная родить только те или иные формы неокOLONиализма. В сущности, противостояние двух политических и культурных блоков создало условия для возникновения в 1950-е годы феномена «третьего мира», в котором и морские державы, и континентальные силы искали возможности для усиления собственных потенциалов.

О появлении в 1952 году во Франции самого термина «третий мир», в который объединялись все освободившиеся от колониальной зависимости страны, Пол Джонсон писал следующее: «Концепция (третьего мира. — М. М.) базировалась на словесной эквилибристике, на предположении, что, придумывая новые слова и фразы, человек может изменить (и улучшить) нежелательные и упрямые факты».

На Западе был первый мир с его алчным капитализмом; вторым миром был тоталитарный социализм с его лагерями рабов; оба они имели ужасные арсеналы для массового уничтожения людей. Почему же тогда не мог появиться третий мир, который, как птица-феникс, поднялся бы из пепла империй — мир свободный, миролюбивый, независимый, трудолюбивый, очищенный от капиталистических и сталинских пороков, излучающий общественную добродетель, сегодня спасающий себя усиленным трудом, а завтра мир — своим примером?

Так же, как в XIX веке идеалисты видели в угнетённом пролетариате носителя морального превосходства, а в будущем пролетарском государстве —

государство Утопии, так теперь сам факт обладания колониальным прошлым и небелой кожей рассматривался как грамота международной значимости. Каждая бывшая колониальная страна была права по определению. Собрание таких государств стало бы палатой мудрости. Идея создания такой палаты была реализована на конференции африканских и азиатских государств, состоявшейся 18–24 апреля 1955 года в Бандунге по инициативе президента Индонезии Сукарно. Присутствовали 25 независимых государства из Азии, 4 из Африки плюс Золотой Берег (Гана) и Судан, которые вскоре получили независимость.

Это событие представляло собой апогей международного признания Джавахарлала Неру и он его использовал как блестящую возможность, чтобы представить всему миру Чжоу Эньлая. Среди многих других звезд были У Ну из Бирмы, Нородом Сианук из Камбоджи, Мухаммед Али из Пакистана, Кваме Нкрума — первый черный президент в Африке, архиепископ Макариос с Кипра, черный конгрессмен из США Адам Клейтон Пауэлл и Великий муфтий Иерусалима. Некоторые из присутствовавших на конференции впоследствии организовывали заговоры с целью убить друг друга, другие закончили свой жизненный путь в тюрьме, в опале или в изгнании. Но в то время третий мир еще не занял себя агрессиями, аннексиями, расправами над людьми и диктаторской жестокостью. Он был еще в невинном возрасте, когда доверчиво веришь, что абстрактная сила чисел, еще больше слов, в состоянии преобразить мир.

«Это первая межконтинентальная конференция цветнокожих в истории человечества, — заявил Сукарно в своей речи во время открытия конференции. — Сестры и братья! Как невероятно динамично наше время! Нации и государства проснулись от своего векового сна. Умерла старая эра белого человека, который опустошал планету своими войнами; наступила другая эпоха, более разумная, которая разморозит „холодную войну“ и приведет к многорасовому, многорелигиозному братству, потому что все великие религии зывают к терпимости. Цветнокожие расы ввели новую мораль. Мы, народы Азии и Африки, которые представляют большую часть населения мира, можем мобилизовать то, что я назвал бы моральным гневом наций в защиту мира».

После этой поразительной фразы последовал лукуллов пир красноречия. Среди зачарованных был и чернокожий американский писатель Ричард Райт. «Говорит человечество» — так назвал он свою книгу³⁷.

Признание Д. Мэйнигом культурного влияния хартленда на окружающий мир объясняло, с одной стороны, почему западная политика «сдерживания» Советского Союза и его союзников средствами военной конфронтации не срабатывала или была недостаточно эффективной. С другой стороны, его концепция предлагала принимать всерьез возможности дальнейшего упрочения глобальных позиций континентальных сил и их возрастающей конкурентоспособности

в противостоянии с западным миром. «Отсталая цивилизация с второсортной промышленностью» к середине 1950-х годов своими экономическими достижениями и технологическими прорывами заставила себя уважать и завоевала право на отношения «на равных». К тому же в процессе военного противостояния и гонки вооружений в первое десятилетие после второй мировой войны оба блока, и морской, и континентальный, существенно перенапрягли свои силы, им требовалась определенная разрядка существовавшей в их отношениях напряженности.

Без и вне переговоров реализовать подобную взаимную потребность было невозможно. Женевское совещание на высшем уровне в июле 1955 года воочию продемонстрировало желание западных держав и СССР обеспечить хотя бы временную передышку в «холодной войне». Джон Фостер Даллес, проникнутый «духом Женевы», писал по этому поводу: «Вплоть до Женевы советская политика основывалась на нетерпимости, которая являлась лейтмотивом советской доктрины. Теперь советская политика основывается на терпимости, что включает в себя хорошие отношения со всеми». В своих мемуарах Н. С. Хрущев, также комментируя указанную встречу, отмечал: «Наши враги теперь поняли, что мы в состоянии отразить их натиск и видим все их трюки насквозь»³⁸.

Накопление атомного и водородного оружия у сверхдержав обуславливало понимание их руководителями того самоочевидного факта, что радикальный геополитический передел мира военными средствами стал невозможным или почти невозможным. Возглавляемые ими военно-политические блоки поэтому внимательно и напряженно следили за безопасностью границ зон своей ответственности, не осмеливаясь открыто их нарушить. Ставка была сделана на ожесточенную идеологическую борьбу, которая не знала и не признавала каких-либо географических барьеров. Д. Эйзенхауэр, как отмечал его биограф, «хотел более чем когда-либо вести активную тайную войну против коммунизма, используя для этого ЦРУ»³⁹.

Т. В. Андрианова видит в этом также и геополитическую подоплеку. Как она полагает, проблема заключалась не в самой коммунистической идеологии как таковой, а в том факте, что она исповедовалась материковой сердцевиной, то есть Россией, и если бы Россия была капиталистической страной, то не исключено, что США пришлось бы руководствоваться в данном случае оголтелым антикапитализмом. «Антикоммунизм диктовался, прежде всего, геостратегией, — писала она. — И так как идеология материковой сердцевины является угрожающей идеологией для морских держав, то она должна быть повержена». Из этого Андрианова делает вывод о том, что под видом идеологической борьбы между морскими и континентальными державами в действительности шла война культур⁴⁰.

Женевская встреча на высшем уровне зафиксировала заинтересованность сторон в закреплении территориально-политического status quo в Европе: СССР смирился с существованием западногерманского государства и его привязкой к НАТО, а американцы были вынуждены сделать то же самое по отношению к ГДР и ее связям с Организацией Варшавского Договора. «Но Никита Хрущев, — пишет Г. Киссинджер, — был не из тех, кто позволил бы американской сфере влияния процветать беззаботно. Он стал бросать вызов Западу в таких местах международной арены, которые Сталин всегда считал стоящими вне границ советской сферы государственных интересов. Благодаря этому горячие точки советско-американского соперничества сдвинулись за пределы Европы. Первая из этих горячих точек появилась тогда, когда возник так называемый Суэцкий кризис 1956 года. Советский Союз совершил крупную сделку с Египтом посредством бартерного обмена оружия на хлопок. Это было смелым шагом, распроставившим советское влияние на Ближний Восток. Сделав подобную заявку на установление влияния в Египте, Хрущев как бы „перепрыгнул“ через санитарный кордон, установленный Соединенными Штатами вокруг Советского Союза, поставив перед Вашингтоном задачу противостояния СССР в тех районах, которые прежде считались находящимися в безопасном тылу западной сферы влияния»⁴¹.

26 июля 1956 года, воодушевленный поддержкой СССР, президент Египта Гамаль Абдель Насер отдал вооруженным силам приказ взять под контроль «кампанию по эксплуатации Суэцкого канала и ее имущество», так как «канал расположен на египетской территории, является частью Египта и принадлежит Египту». Западные страны стали искать способ «заставить Насера выплюнуть то, что он пытается проглотить». Франция и Великобритания демонстрировали желание использовать для этого вооруженные силы, США высказывались за достижение договоренностей дипломатическим путем. Западноевропейцы привлекли к борьбе против Египта Израиль. Вместе с последним они осуществили так называемое тройственное вторжение в зону канала. Осуждение этого акта в ООН, негативная позиция США в отношении тройственной агрессии, а также заявление СССР о поддержке Египта вплоть до оказания военной помощи заставили агрессивную тройцу отказаться от своего начинания. Г. Киссинджер утверждает в этой связи: «То, что началось как пробная продажа советского оружия Египту через Чехословакию, превратилось в крупный советский стратегический прорыв, который внес разлад в атлантический альянс и вызвал поворот развивающихся стран в сторону Москвы с целью добиться максимальных переговорных выгод».

29 ноября 1956 года правительство США, приветствуя встречу руководителей Багдадского пакта — Пакистана, Ирака, Турции и Ирана, — заявило:

«Угроза территориальной целостности или политической независимости стран — членов пакта будет рассматриваться США со всей серьезностью». 5 января 1957 года была обнародована «доктрина Эйзенхауэра», представлявшая собой программу содействия проамерикански настроенным странам Ближнего и Среднего Востока. Она предлагала им экономическую помощь, сотрудничество в военной области и защиту стран этих регионов от коммунистической агрессии. 10 января в послании о положении в стране Эйзенхауэр пошел еще дальше и объявил об обязанности Америки защищать весь свободный мир. Американский президент заявил: «Во-первых, жизненно важные интересы Америки распространяются на весь земной шар, охватывая оба полушария и каждый из континентов. Во-вторых, у нас имеется общность интересов с каждой из наций свободного мира. В-третьих, взаимозависимость интересов требует приличествующего уважения прав и мира для всех народов»⁴².

У Н. С. Хрущева, как отмечают многие исследователи его государственной деятельности, был природный инстинкт в нащупывании чувствительных нервных сплетений у стран, чью политику и идеологию он определял как империализм. Он был одной из центральных фигур Суэцкого и, в более широком контексте, ближневосточного кризиса, поощрял войны за национальное освобождение по всему миру и разместил ядерные ракеты на Кубе. Но, причиняя Западу множество неудобств, Хрущев, тем не менее, не добился никаких решающих выгод для СССР, поскольку он умел начинать кризисы, но не знал, как их решать. И поскольку, несмотря на первоначальное замешательство, Запад в конце концов находил ответ, результатом наступательных действий Хрущева почти всегда была огромная растрата советских ресурсов при отсутствии каких-либо выгод стратегического плана.

13 марта 1959 года Эйзенхауэр заявил членам своей администрации: «Достаточно оснований полагать, что русские не хотят войны, поскольку чувствуют: они уже выигрывают»⁴³. В таких словах он обобщил значение прорыва советской науки в космос. Если американцы в августе 1945 года открыли атомную эру в жизни человечества, то космический век начался в октябре 1957 года, когда на орбиту был выведен первый советский спутник. Появление мощных баллистических ракет произвело очередную революцию в геополитическом мышлении:

- во-первых, их военное использование лишало США выгодного геополитического положения, так как они стали достигаемыми для военного поражения точно так же, как и любые другие территории на земном шаре;
- во-вторых, для геополитических расчетов открывалось новое пространство — космическое, овладение которым обещало огромные преимущества тем, кто этого достигнет раньше других.

Ракетный прорыв позволил СССР предпринять ряд активных геостратегических действий, которые были призваны ограничить, в конечном счете, экспансионизм США. В мире сложилась ситуация, охарактеризованная французским политологом Раймоном Ароном в четырех словах: «война невозможна, мир невероятен». Морской и континентальный военно-политические блоки начали соперничать в регионах, по поводу которых и ради которых вряд ли собирались начинать «большую войну» между собой. Прорывы в военно-технической области советской науки, создавшей для СССР мощный ракетно-ядерный потенциал, обусловили некоторую геополитическую активность Советского Союза во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов. Но всем аналитикам было ясно, что это не был территориальный экспансионизм в его традиционном виде. Москва ставила перед собой задачу перехватить инициативу у США и не допустить беспредельного расширения американской сферы влияния в мире.

Н. С. Хрущев и советское руководство в целом действовали вопреки сталинской стратегии укрепления собственной зоны влияния, сложившейся после Второй мировой войны. Они покончили с недоверием «отца народов» к освобождавшимся от колониализма странам как к отдаленным, не поддающимся контролю территориям, бросив вызов западному миру в странах Ближнего Востока и на Кубе. Во время Суэцкого кризиса 1956 года в послании председателя Совета Министров Советского Союза Н. А. Булганина премьер-министру Великобритании А. Идену содержалась угроза, хотя и сформулированная в форме риторического вопроса, применения ракет против этой страны, если она не выведет свои войска из зоны Суэцкого канала. «В каком положении оказалась бы Великобритания, — говорилось в этом послании, — если бы она была атакована более сильными государствами, обладающими всеми видами современного разрушительного оружия? А ведь эти страны могут в настоящее время воздержаться от направления морских или воздушных сил к берегам Британии и воспользоваться иными средствами — например, ракетным оружием». И чтобы все это было правильно понято, послание констатировало: «Мы полны решимости сокрушить агрессоров силой и восстановить мир на Ближнем Востоке»⁴⁴.

Это заявление было сделано в условиях, когда США дали ясно понять и своим союзникам, и проагонистам в геополитической схватке, что они не намерены ввязываться в военные авантюры в этом регионе. Советское руководство, что называется, «ломилось в открытую дверь», заведомо зная, что в данном случае кризису на Ближнем Востоке не суждено было перерасти в глобальную войну.

Несколько по иному, но, собственно, с таким же результатом завершился спровоцированный СССР ракетный кризис на Кубе. Революция 1959 года в этой стране, расположенной всего лишь в 40 милях от США,

а затем вступление Ф. Кастро в союз с СССР, означали, что схватка морского и континентального блока была перенесена в заповедную американскую зону исключительного влияния. Возникла реальная угроза резкого нарушения равновесия сил в мире.

США сделали попытку «закрывать» вопрос, направив 12 тысяч кубинских эмигрантов в Залив свиней, чтобы инспирировать антикастровское восстание на Кубе. Апрельская 1961 года авантюра кубинских контрреволюционеров и поддержавших их США провалилась, но она родила другой план, который был намного опаснее уже для всего человечества. Под предлогом защиты режима Кастро Хрущев задумал разместить на Кубе ракеты среднего радиуса действия с ядерными боеголовками, добившись «определенного сдвига в соотношении сил между социалистическим и капиталистическим мирами», в действительности же «словам» решительно и бесповоротно стратегическую ситуацию в пользу СССР.

В 1962 году на Кубу были направлены 42 ядерные ракеты с радиусом действия 1100 миль, 24 — с дальностью поражения 2200 миль (последние так и не прибыли на Остров Свободы, так как перевозившие их суда были остановлены на подходе к Кубе). К ним можно добавить 24 ракетные системы «земля-воздух», а также 22 тысячи советских военнослужащих, которые должны были охранять и обслуживать советские ракетные базы. Места их расположения были обнаружены 15 октября. Расчеты показали, что в декабре здесь будет размещено не менее 50 стратегических ракет, оснащенных ядерными боеголовками и нацеленных на США. «Ястребы» в американском руководстве высказались за «решительное уничтожение ракетных баз воздушной атакой», для чего потребовалось бы 800 самолетов. «Голуби» осуждали идею «Перл-Харбора наоборот», предлагая установить блокаду Кубы, не пропуская в ее порты суда с вооружениями и стратегическими материалами. Подобный «карантин», по их расчетам, оставлял России возможность, «не теряя лица», отказаться от действий, ведущих к глобальной войне.

Президент Джон Кеннеди отдал распоряжение продолжать подготовку для воздушного удара по Кубе, однако основные надежды связывал с введенной с 22 октября блокадой островной страны. Остановив 24 октября советские суда с ракетами на борту в океане, США потребовали от СССР восстановления «status quo», демонтировав и убрав свои ракеты с Кубы. 26 октября Хрущев согласился выполнить американские требования в обмен на гарантию ненападения на Кубу. 28 октября Кеннеди принял условие Москвы и ракетный кризис можно было считать завершившимся. В октябре 1964 года, когда Н. С. Хрущев был отстранен от власти, ему припомнили «легкомысленные планы, поспешные заключения, необдуманые решения и действия, основывавшиеся на „самообмане“».

Хрущев, в конечном счете, сумел отказаться от своих планов, когда выяснилось, что речь идет вовсе

не о блефе, с помощью которого он рассчитывал достигнуть того, что „Сталин никогда бы не осмелился сделать“». Он понял, что в результате его решений мир, как никогда ранее, оказался близок к глобальной термоядерной войне. «Балансируя на лезвии бритвы» во время кубинского кризиса, советский руководитель, как он сам зафиксировал в своих мемуарах, знал, что в случае неудачи и начала «большой войны» мир должен будет заплатить жизнью за это не менее чем 500 миллионами человеческих жизней⁴⁵.

В начале 1980-х годов Соединенные Штаты резко меняют свой курс в отношении СССР, который также не смог в период разрядки разрешить главную для себя проблему: внешнеполитические успехи и достижения не могли скрыть того факта, что положение дел в советской экономике оставляло желать лучшего. Поразительная по своему реализму и глубине характеристика ситуации, в которой оказался СССР, принадлежала новому американскому президенту Р. Рейгану, который в июне 1982 года, выступая в палате лордов Великобритании, сказал буквально следующее: «В ироническом смысле Карл Маркс был прав. Мы сегодня являемся свидетелями гигантского революционного кризиса. Кризиса, в котором требования экономического порядка находятся в прямом противоречии с требованиями политического порядка. Однако кризис этот происходит не на свободном, немарксистском Западе, а дома у марксизма-ленинизма, в Советском Союзе... Сверхцентрализованная, обладающая ничтожными стимулами или вовсе ими не обладающая, советская система направляет большую часть самых ценных своих ресурсов на изготовление орудий разрушения. Постоянное падение показателей экономического роста наряду с ростом военного производства налагают тяжкое бремя на советский народ. То, что мы видим, представляет собой политическую надстройку, более не соответствующую экономическому базису, общество, где производительные силы наталкиваются на препятствия со стороны сил политических»⁴⁶.

Но Америка должна была получить от советской сверхдержавы «геополитический подарок» — вторжение «ограниченного контингента Советской Армии» в Афганистан в 1979 году, — прежде чем Рейган:

- заклеил Советский Союз как «империю разбоя», готовую «совершить любое преступление, солгать, смощенничать»;
- сменил политику снижения напряженности в советско-американских отношениях на крестовый поход против СССР;
- проявил готовность довести до логического конца непримиримый конфликт с идейным противником.

Вне зависимости от того, какими мотивами объясняли советские руководители свое решение ввести в декабре 1979 года в Афганистан 100-тысячный контингент советских войск, главным было то, что в большинстве случаев международная реакция на эту акцию Советского Союза, была отрицательной.

Даже союзники СССР по Варшавскому Договору не спешили солидаризироваться с решением Москвы. Румыния же поспешила отмежеваться от признания советских действий правомерными и соответствующими международному праву. 28 марта 1983 года лидер КПСС Ю. В. Андропов на встрече с генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльярром и его заместителем Д. Кордовесом признал ошибочность ввода советских войск в Афганистан. Он подчеркнул, что это нанесло «ущерб отношениям Советского Союза с Западом, с исламскими странами, с государствами третьего мира». Советский лидер сумел договориться о запуске под эгидой ООН механизма женевских переговоров по решению афганской проблемы, завершившихся в 1988 году подписанием пяти документов о политическом урегулировании ситуации, сложившейся вокруг Афганистана.

Но оказалось, что для СССР это уже не имело особого значения. Допущенная ошибка оказалась для него смертельной. Объявление о советском вторжении в Афганистан было интерпретировано в США как самая серьезная угроза миру после Второй мировой войны. «Регион, которому угрожают советские войска в Афганистане, является регионом огромной стратегической важности, — констатировал президент США Дж. Картер в своем обращении к конгрессу 23 января 1980 года. — Он дает две трети из всей добываемой в мире нефти. Советская попытка господствовать в Афганистане привела к тому, что советские вооруженные силы находятся в 300 милях от Индийского океана и около Персидского залива, этих ворот, через которые экспортируется добываемая здесь нефть. Попытка контролировать Персидский залив должна рассматриваться нами как нападение и будет отражена любыми средствами, вплоть до использования военной силы»⁴⁷. И далее: «Нигде в мире нет сегодня более важной точки для обеспечения безопасности и стабильности в мире, чем Персидский залив, а граница Советского Союза лежит в нескольких сотнях миль от этой точки»⁴⁸.

Решимость американцев защищать свои интересы в районе Персидского залива вплоть до применения военной силы и поддержки националистически настроенных исламских сил в Афганистане оказались известной неожиданностью для руководства СССР. Действительно, трудно было понять американскую озабоченность безопасностью стран Персидского залива со стороны Афганистана, выходу которого к «южным морям» преграждал Пакистан. К тому же СССР в это время и так был рядом с этим «нефтяным Клондайком» благодаря просоветской ориентации Южного Йемена и тесным связям, в том числе и в военной сфере, с Индией. Тем более такая позиция казалась непонятной, что до краха шахского режима в Иране США практически не интересовались Афганистаном, мирясь с его вхождением в зону советского влияния. Она казалась Москве нелогичной ещё и потому, что США не высказывали серьезной

озабоченности во время событий в Анголе, Эфиопии, еще в десятке африканских стран социалистической ориентации, тем более не будоражили мир грохотом военных барабанов.

Афганская авантюра Советского Союза послужила для США поводом к радикальной смене своего геостратегического поведения. В прошлом администрации Трумэна и Эйзенхауэра были заняты прежде всего упреждающим «сдерживанием» СССР на тех направлениях, где складывавшаяся ситуация сулила ему успех. Никсон и Картер, окончательно признав существование советской сферы влияния в обмен на неприкосновенность своей, предпочитали начинать с предварительной демонстрации серьезности намерений на пути достижения мира. Рейган же подчинил деятельность своей администрации организации «крестового похода» против «империи зла» с целью обращения противника в свою веру. Принципиальная сущность указанной перемены в американской геостратегии, согласно Дж. Слоэну, состояла в следующем: «Президент Картер считал, что СССР стал экспансионистским государством только после вторжения в Афганистан. Рейган же считал, что СССР самым своим существованием угрожает безопасности США».

Рейган стал первым послевоенным американским президентом, который предпринял стратегический натиск на Советский Союз по двум направлениям — идеологическому и геополитическому. В первом случае советско-американское противоборство представлялось как борьба добра со злом, которая должна была быть доведенной до победного конца. Идеологическим инструментом, который был приспособлен рейгановской администрацией для подрыва советской системы и в целом социалистического лагеря, стал вопрос о правах человека. Рейган и его команда превратили этот вопрос в орудие ниспровержения коммунизма и либерализации Советского Союза⁴⁹.

Но главным направлением антисоветской борьбы президента Рейгана стала сфера геополитики. Он и его ближайшие сотрудники исходили из того, что советский экспансионизм должен быть обращен вспять с тем, чтобы, в конечном счете, положить конец коммунизму на планете и как идеологии, и как практике. И хотя речь велась в категориях противопоставления демократии и коммунизма, ни для кого не было секретом, что под ними подразумевались все те же США и СССР. О геополитических основах антисоветской стратегии США говорили и писали ближайшие сподвижники Рейгана из первой его администрации. Так, в выступлении перед сенатом 8 января 1981 года генерал Александр Хейг утверждал: «Возможно, центральным стратегическим феноменом послевоенного периода является трансформация советской военной машины из континентальной и главным образом оборонительной армии в наступательную сухопутную, морскую, воздуш-

ную военную силу, приспособленную для поддержки имперской внешней политики». Министр обороны Каспар Уайнбергер писал по этому же поводу 9 мая 1981 года: «СССР необычайно расширил свою геостратегию и имеет форпосты и на Среднем Востоке, и в Африке — повсюду».

Чтобы активизировать деятельность в этой области, США взяли на вооружение так называемую «доктрину Рейгана», смысл которой заключался в «поддержке врага моего врага» во всех тех случаях, когда ставка делалась на не слишком или совсем не на демократические страны или силы. «Доктрина Рейгана», которую в США справедливо называли «доктриной неоглобализма», предусматривала помощь США всем антикоммунистическим и заговорщическим силам, способствовавшим выводу своих стран из советской зоны влияния во всем мире, «от Афганистана до Анголы и Никарагуа». По словам государственного секретаря США Джорджа Шульца, в 1960–1970-ые годы СССР занимался подстрекательством восстаний против дружественных Америке правительств, но в 1980-е годы уже США давали попробовать Советскому Союзу «прописанное ими же лекарство».

Но главной целью стратегии Рейгана стала сама «метрополия советской империи» — СССР. По свидетельству Петера Швейцера, написавшего книгу о роли тайной подрывной деятельности США по разрушению Советского Союза, для этого была применена так называемая «широкая стратегия», изложенная в нескольких директивах по национальной безопасности США. Эта стратегия предусматривала подрыв советской экономики, лишение СССР союзников, проведение мероприятий, которые провоцировали фундаментальные изменения в советской системе в сторону ее либерализации. При этом расширение гонки вооружений должно было не только и не просто обескровить советскую экономику, но и усадить советское руководство за стол переговоров, где ему будут навязаны новые правила поведения в мире. Начиная наступление на СССР в экономической области, правящие круги США исходили из того, что:

- Москва в буквальном смысле бросала вызов всем другим державам «при наличии весьма слабого фундамента»;
- «на самом деле Советский Союз, несмотря на всю свою военную мощь, являлся все еще весьма отсталой страной»;
- «Советский Союз не был достаточно силен или достаточно динамичен для исполнения той роли, которую назначили ему советские руководители»;
- «советская система была смертельно поражена неспособностью генерировать инициативу и творческий порыв»⁵⁰.

Чтобы дестабилизировать и без того переживавшую не лучшие времена советскую экономику, США избрали для атаки нефтегазовую отрасль СССР. Именно она давала от 80 до 90 процентов валютных поступлений в бюджет Советского Союза, обеспечи-

вая закупки технологического оборудования за рубежом для поддержания на должном уровне военно-промышленного комплекса, продовольствия и товаров широкого потребления для удовлетворения хотя бы минимальных потребностей населения. В 1983 году администрация Рейгана рассмотрела доклад, в котором содержались расчеты, согласно которым увеличение добычи нефти странами ОПЕК с 2,7 млн баррелей в день до 5,4 млн. могло вызвать падение ее стоимости на 40 процентов, с 34 до примерно 20 долларов. Это было бы не только весьма выгодно США, но и оказало «катастрофическое воздействие на советскую экономику», как утверждалось в докладе. С помощью своего союзника — Саудовской Аравии, — США в последующие годы сумели воплотить в жизнь этот план. Снижение цены за 1 баррель лишь на 1 доллар лишило СССР примерно 1 млрд. долларов, в целом же в процессе падения цен на энергоносители СССР терял десятки миллиардов долларов⁵¹.

Другим направлением экономико-политических действий американцев был срыв строительства газопровода «Уренгой — Западная Европа», две нитки которого обещали приносить СССР от 15 до 20 млрд. долларов ежегодного дохода. Рейган придавал этому столь важное значение, что даже высказался в том смысле, что «с этого газопровода начинается экономическое уничтожение Москвы». Билл Кейси, наставляя своих сотрудников на реализацию этой задачи, высказывал убеждение, что «мы их уложим!». Он считал, что «если мы сможем остановить это строительство или хотя бы задержать его, то они (Советы. — М. М.) окажутся в ловушке».

Саммит руководителей западных держав 4–6 июля 1982 года в Париже согласился «на выгоды от ограничения торговли с Москвой», обещанные им американцами. Но и от строительства газопровода они не хотели отказываться. Президент Франции Ф. Миттеран и канцлер ФРГ Г. Шмидт воспротивились идее отмены финансовых и энергетических договоров с СССР. Тем не менее, прекращение участия в проекте 60-ти только американских фирм и еще десятков западноевропейских осложнило и замедлило строительство газопровода, что рассматривалось администрацией Рейгана в качестве достаточного минимума в этом вопросе.

Дав старт открыто объявленной программе перевооружения, в результате чего ежегодные расходы на оборону возросли на 140 млрд. долларов, Р. Рейган запустил механизм, дополнительно разорявший советскую экономику: СССР просто не мог не участвовать в начавшейся гонке вооружений, платя за это практически невыносимую для себя финансовую цену, обескровливая и без того хилую «экономику жизни», то есть отрасли, не связанные с военным производством. По мнению Г. Киссинджера, два стратегических решения администрации Рейгана в этой области способствовали больше всего окончанию «холодной войны»:

- а) развертывание силами НАТО американских ракет средней дальности в Европе;
- б) принятие на себя Америкой обязательств по разработке системы «стратегической оборонной инициативы» (СОИ)⁵².

Размещение в Европе ракет среднего радиуса действия (до 1500 миль) было обусловлено желанием противодействовать новым советским ракетам СС-20, которые были способны достигнуть любой европейской цели из глубины советской территории. С точки зрения военно-стратегической подобный шаг США был бессмысленным, но он имел серьёзное политическое содержание: оборона Западной Европы и США оказывалась «в связке», а Советский Союз лишался возможности давления на любую из этих стран, не рискуя натолкнуться на неприемлемую для него ядерную войну глобального характера. «Нулевой вариант» Рейгана, предполагавший неразмещение американских ракет в Европе в случае, если СССР согласится на ликвидацию всех своих ракет СС-20, был отвергнут Москвой. Это облегчало жизнь западным правительствам, ибо им, помимо забот о размещении крылатых ракет, необходимо было справиться еще и с мощным антиракетным общественным движением, всколыхнувшим всю Западную Европу.

Развертывание ракет средней дальности в Европе укрепляло американскую стратегию устрашения Советского Союза. Но когда 23 марта 1983 года Рейган объявил о своем намерении разработать стратегическую оборону от советских ракет, он уже угрожал СССР стратегическим прорывом. «Я обращаюсь к научному сообществу нашей страны, — подчеркнул в своём заявлении президент США, — к тем, кто дал нам ядерное оружие, чтобы они обратили теперь свой великий талант на дело выживания человечества и всего мира, предоставили нам возможность сделать это ядерное оружие бессильным и устаревшим»⁵³.

Американский президент рассчитывал «при помощи единственного технологического хода стереть с лица земли все, ради чего Советский Союз довел себя до банкротства»⁵⁴. Рейган хотел при помощи СОИ создать оборону, обрекавшую на самоубийство того, кто рискнул бы пустить в ход против США ядерное оружие. Одновременно СОИ должна была отменить угрозу гарантированной гибели человеческой цивилизации в случае ядерной схватки двух сверхдержав, ибо новый оборонительный щит должен был в значительной степени нейтрализовать первый ядерный удар по США и сохранить их силы для решающего ответного ракетно-ядерного залпа.

В Москве решение рейгановской администрации приступить к разработке СОИ было расценено как шаг, направленный на дестабилизацию стратегической обстановки. Ведь фактически речь шла о создании широкомасштабной противоракетной обороны территории США, имевшей целью лишить СССР возможности нанести ответный удар в случае американской агрессии против него. Генеральный

секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов заявил в этой связи, что «новая концепция» Рейгана распространяет гонку вооружений на космическое пространство и что США вступают на исключительно опасный путь. Советское руководство подозревало, что американцам удалось совершить какой-то весьма важный прорыв в области космических технологий, применимых в военном деле. Оно укрепилось в этой мысли представителями советского военно-промышленного комплекса, в то время как физики-теоретики страны весьма скептически отнеслись к возможности практической реализации СОИ в полном объеме⁵⁵.

И в США СОИ была принята неоднозначно: в целом положительная реакция рядовых американцев соседствовала с жесткой ее критикой представителями научной общественности. Многие известные ученые США высказывали сомнение и в возможности создать сколько-нибудь эффективный «противоракетный щит», и в целесообразности переноса гонки вооружений в космическое пространство. Но Рейгана не интересовали замечания критического характера. Даже если программа «звездных войн» могла оказаться нереализуемой в ближайшей перспективе, считал он, то она должна была вовлечь Советский Союз в дорогостоящее состязание на технологической площадке, где потенциал и шансы Америки были более предпочтительными.

Согласно американским данным, СССР отставал от США по 12 из 18 наиболее важных для военных технологий областям науки и техники (в микроэлектронике, средствах связи, радиолокации, обработке сигналов, создании электронно-вычислительных машин, программном обеспечении ЭВМ, конструкционных материалах и т. д.). Министр обороны США К. Уайнбергер, определяя стратегическое значение оборонной инициативы Рейгана, откровенно заявлял: «Если нам удастся создать систему, которая сделает советские ракеты неэффективными, мы сможем вернуться к ситуации, когда США были единственной страной, обладающей ядерным оружием»⁵⁶.

Не сумев к 1993 году создать вокруг Земли начиненный стратегическими вооружениями «космический обруч», США фактически признали, что уровень их технологического развития оказался недостаточным для превращения космоса в инструмент геополитического диктата⁵⁷. Но свою главную роль — средства технологического и геополитического пресинга на Советский Союз — СОИ выполнила отменно. На слушаниях в сенате конгресса США по теме «Стратегическая оборонная инициатива и ее соотношение с договором о противоракетных вооружениях» в 1991 году сенаторы отмечали: «Неожиданный взрыв приверженности демократическим принципам и рыночной экономике в СССР обусловлен только одним — боязнью программы „звездных войн“».

Американцы с помощью СОИ показали, что установка на развитие новых военных технологий может иметь далеко идущие политические послед-

ствия, что реализация или даже угроза появления подобных технологий может стать «спусковым крючком», приводящим в действие механизмы серьезнейших геополитическим перемен. Опыт советско-американских отношений в 1980-е годы также показал, что сверхдержава должна обладать не только стратегическими технологиями (таковые у СССР были надежными и долговременными), но и базировать свою внешнюю политику на прочных геополитических основах. Рейгану нужна была геополитическая победа, а не патовая ситуация, тогда как руководство Советского Союза считало, что патовая ситуация является гарантом временного «статус кво», который завершится обязательным выигрышем передового общественного строя у «капитализма вчерашнего дня». В столкновении не технологий, а представителей геополитической и идеологической выучки одержали победу геополитики, а не идеократы.

Фактически геополитическую победу над СССР одержал Р. Рейган, но история так распорядилась, что объявление о завершении «холодной войны» было связано с именем другого американского президента — Дж. Буша-старшего. Именно после его встречи с М. С. Горбачевым на борту американского военного корабля у берегов Мальты 3 декабря 1989 года, пресс-секретарь советского лидера Геннадий Герасимов заявил журналистам: «Сегодня, в 12:45 минут, положен конец „холодной войне“». Если обратиться к документам, зафиксировавшим советско-американские договоренности на этой встрече, то выясняется, что Горбачев обещал США:

- СССР не будет вмешиваться в процессы перемен, охватившие страны Восточной Европы и опрокинувшие «берлинскую стену» в центре континента;
- Запад может начинать готовить условия объединения Германии, не заботясь особенно о скоррелированности этого процесса с разрешением проблем общеевропейской безопасности;
- СССР воспринимает заявления о выходе из Организации Варшавского Договора ряда восточноевропейских стран как начало самоликвидации этого военно-политического блока;
- советская внешняя политика будет и впредь основываться на приоритете «общечеловеческих ценностей», хотя уже было ясно, что американцы и их союзники последовательно и активно добивались реализации собственных национальных интересов, подчинив именно этой цели всю сферу советско-американских отношений. Любопытно, что сам Горбачев охарактеризовал общий итог встречи на Мальте словами «отношения вышли на новый уровень», в советско-американских отношениях «произошел прорыв». Дж. Буш тоже был доволен намечавшейся перспективой в отношениях двух государств, так как в его понимании потеря Восточной Европы и развал ОВД лишали СССР сверхдержавного статуса и Советский Союз оказывался

перед лицом расширившей и упрочившей свои позиции в мире единственной сверхдержавы. Однако большинство ученых и политиков не согласны с тем, что «холодная война» завершилась в 1989 году. Они, как правило, связывают это событие с распадом СССР, когда исчез один из двух главных субъектов почти 50-летнего биполярного противостояния.

К. Н. Брутенц полагает в этой связи, что «демонтаж» феномена «холодной войны» с ее сложной структурой мог быть только процессом, к тому же с противоречивыми, порой непредсказуемыми, последствиями. «Об окончании „холодной войны“ говорили и в 1991-м, после путча и победы революции в России, — писал этот автор. — На патент ее могильщиков претендовали Ельцин и Клинтон в годы своей нежной дружбы. Но „холодная война“ оказалась несговорчивым покойником. Она каждый раз, хоть и съезживаясь, теряя в пассионарности, тем не менее, то и дело покидала предназначенную ей могилу. В мае 2002 г. президент Буш-старший назвал Московский договор, подписанный с Владимиром Путиным, «окончательными похоронами „холодной войны“». Подобные же фразы прозвучали и совсем недавнов ходе российско-американского саммита в Сочи в апреле 2008 г. Такие настойчивые и повторяющиеся заявления даже спустя два десятилетия после Мальты сами по себе наводят на размышления. К тому же некоторые стороны нынешней российской политики США побуждают задаться вопросом: если „холодная война“ в своем первоначальном виде осталась в прошлом, то не ведется ли она опять, на этот раз против России, разумеется, в модернизированном виде?»⁵⁸.

Конец «холодной войны» не мог не означать победу Соединенных Штатов Америки и поражение Советского Союза. Заключительный вердикт по этому вопросу история вынесла в декабре 1991 года,

когда геополитическая катастрофа, расчленившая евразийский хартленд, приобрела форму развала СССР. В публицистике продолжает использоваться и другая трактовка финала «холодной войны»: Советский Союз распался не в период обострения международной напряженности, что могло бы подтвердить тезис о победе Запада, а в условиях мирно и позитивно складывавшихся международных отношений. Поэтому считается, что СССР проиграл не «холодную войну», а не выдержал испытания разрядкой, и Запад победил реальный социализм в Советском Союзе не оружием, а преимуществами демократии⁵⁹.

Последовавшие за окончанием «холодной войны» геополитические перемены были настолько серьезными и далеко идущими, что возвестили о начале новой эпохи в международных отношениях. Контуры и содержание новой геополитической картины мира на первых порах оказались весьма размытыми и расплывчатыми из-за далеко не завершившихся геополитических процессов. Исчезновение СССР как одного из двух определяющих элементов системы международных отношений периода 1945–1991 гг. можно считать завершающим событием послевоенной эпохи. Биполярная система международных отношений разрушилась, Ялтинско-Потсдамский порядок перестал существовать. Это означало, что и «холодная война» также уже стала историей. Но практика перехода современного мира от однополярной или «полутраполярной» к многополярной системе международных отношений порой демонстрирует разного рода паллиативы феномена «холодной войны», в частности, в форме уже «холодного мира». Эти всплески конфронтационности вновь и вновь напоминают людям о необходимости постоянно совершенствовать международную сферу бытия человечества на принципах взаимопонимания и мирного сотрудничества.

¹ Теория моделей возможного мироустройства была разработана во второй половине 50-х годов XX века. Они представляли собой построенные на базе совокупности основных факторов международной жизни образцы миротворческих связей, претендующие на относительную концептуальную самостоятельность. Появление теоретических моделей устойчивости международных отношений связано с разработкой и применением системного подхода к ним. М. Каплан в своей работе «Система и процесс в международной политике» (1957) разработал 10 моделей мироустройства, отдавая предпочтение «свободной биполярной системе» и «балансу сил». Значительный вклад в теорию вопроса внесли труды:

- по классификации международных систем (С. Хоффманн);
- по выделению численности «силовых центров», определяющих многополярность, биполярность или однополярность (Р. Роузкранс);
- по выявлению типов контроля в зависимости от характера международной системы — «баланс сил», биполярная или имперская модели (Р. Гилпин);
- по изучению роли «мировых держав» в управлении международными делами (П. Морган, Дж. Модельски);
- по определению достоинств и слабостей монополярных и мультиполярных систем, в том числе в условиях конфликтов (Э. Хаас);
- по оценке потенциалов государств в миротворческих связях (Э. Луард);
- по выявлению «конфигурации соотношения сил» в биполярной и многополярной системах (Р. Арон).

В книгах К. Уолтца «Теория международной политики» (1979) и Р. Гилпина «Война и изменения в мировой политике» (1983) «биполярность» трактуется с позиций системного подхода, хотя и не распространяется на всю сферу миротворческих связей.

² История внешней политики СССР. 1945–1985. Т. 2. М., 1986. С. 84.

³ Богатуров А. Д., Аверков А. А.. История международных отношений (1945–2008 гг.). М.: Издательство «МГИМО — Университет». 2009. С. 32–33.

⁴ Богатуров А. Д., Аверков В. В. Указ. раб., с. 27–30.

⁵ Известия. 1946. 12.III.

- 6 Богатуров А.Д., Аверков В.В. Указ. раб., с. 31.
- 7 См. подр.: Брутенц К.Н. Закат американской гегемонии. М., 2009. С. 11.
- 8 The International Herald Tribune. 2004. 14.XII.
- 9 Ferguson N. The War of the World. Twentieth Century Conflict and the Descent of the West. N.Y., 2006. P. 615.
- 10 Брутенц К.Н. Указ. Раб., с. 14, 15.
- 11 The New York Times. 1997. 1.III.
- 12 Spykman N. American Strategy in World Politics. N.Y., 1943. P. 459.
- 13 Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essay on the changing world system, Cambridg, 1991. P. 7.
- 14 Sloan Y. Geopolitics in US. Wheatsheat books.Fussex, 1998. P.72.
- 15 Ibidem.
- 16 Брутенц К.Н. Указ. раб, с. 16.
- 17 Kennan G.F. American Diplomacy 1900–1950. Chicago, 1952. P. 117–128; Международная жизнь.1990. № 11. С. 140–148.
- 18 Международная жизнь. 1990. № 11. С. 148–154.
- 19 См.: История внешней политики СССР. Т. 2. С. 123–125.
- 20 Цит. по: Известия. 1992. 09.I.
- 21 Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. Документы и материалы. М., 1953. С. 88–94.
- 22 Lippman W. The Cold War: A Study in U.S. Foreign Policy. N.Y., 1997. P. 61–62.
- 23 Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 419.
- 24 Там же. С. 420.
- 25 Киссинджер Г. Указ. раб. С. 415.
- 26 Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. II. М., 1995. С. 25, 26.
- 27 Джонсон П. Современность. Т. 2. С. 27.
- 28 Андрианова Т.В. Геополитические теории XX в.М., 1996. С. 119.
- 29 Киссинджер Г. Дипломатия, с. 451.
- 30 Амброуз С. Эйзенхауэр. Солдат и Дипломат. М.,1990. С. 348–349
- 31 Там же. С. 287.
- 32 Там же. С. 338.
- 33 Там же. С. 299.
- 34 Там же.
- 35 Ibidem, p. 568
- 36 Sidly H. Jon Kennedy. Portrait of a President. London,1964.
- 37 Джонсон П. Современность. Т. 2. С.56–57.
- 38 Khrushchev N. S. Khrushchev Remembers. Boston, 1970. P. 400.
- 39 Амброуз С.Указ. раб., с. 346.
- 40 Андрианова Т.В. Геополитические теории XX в.. М., 2001. С. 128.
- 41 Киссинджер Г. Дипломатия, с. 471, 494–495.
- 42 Там же.
- 43 Амброуз С. Указ. раб., с. 455.
- 44 Шепилов Д. Т. Суэцкий вопрос. М., 1956. С. 146–151.
- 45 New-York Times, 15.X.1977
- 46 Цит по: Киссинджер Г. Дипломатия, с. 699–700.
- 47 Department of State Bulletin. 1980. February. P. 8.
- 48 Ibidem.
- 49 Киссинджер Г. Дипломатия, с. 704.
- 50 Киссинджер Г. Дипломатия, с. 696.
- 51 Джонсон П. Современность. Т. 2. С. 378.
- 52 Киссинджер Г. Дипломатия, с. 709–710.
- 53 The New York Times. 1983.24.III.
- 54 Киссинджер Г. Дипломатия, с. 709.
- 55 Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.,1995. С. 151.
- 56 The New York Times. 1983. 24.III.
- 57 Алмазов В. Финансовые программы СОИ и участие в ней союзников США // Зарубежное военное обозрение.1991,№ 1. С. 79–80.
- 59 Брутенц К. Н. Указ. раб., с. 9–10.
- 60 См.: Арбатова Н. Убить дракона // Независимая газета. 1999, 26.V.